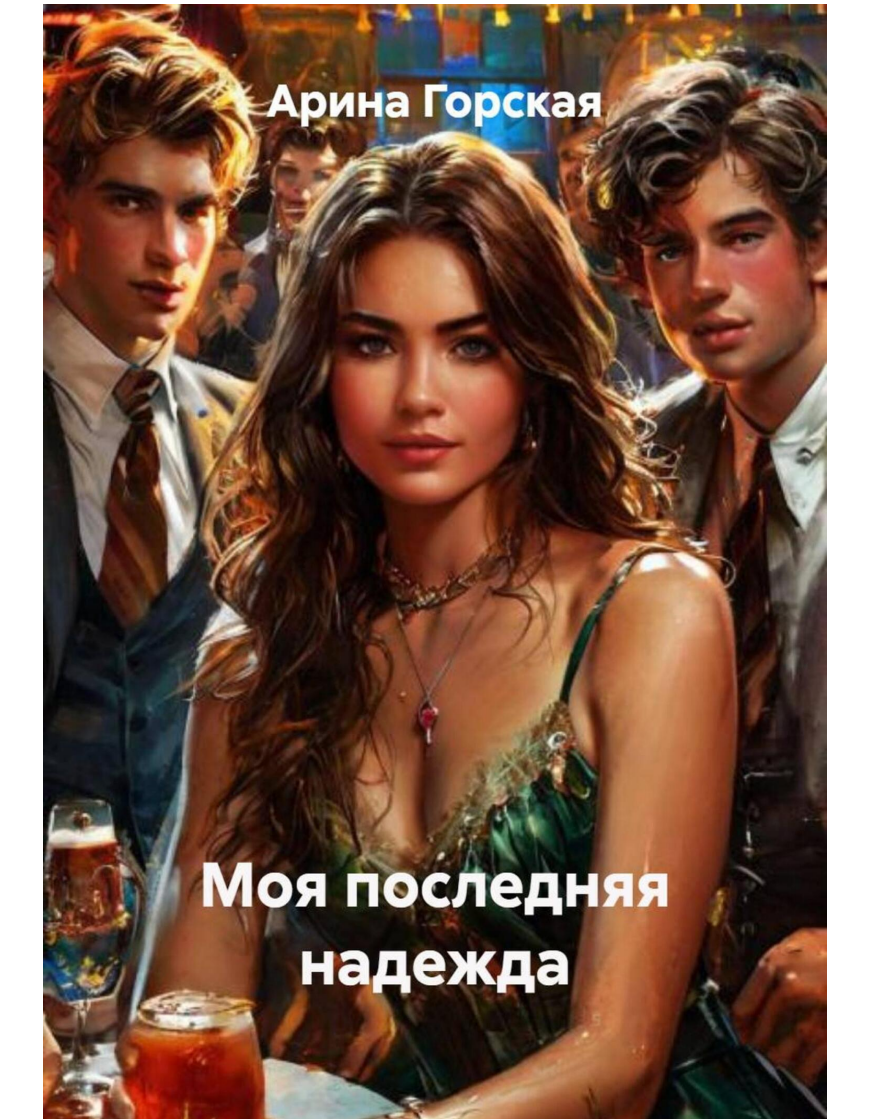

Арина Горская

**Моя последняя
надежда**

Арина Горская

Моя последняя надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72729403

SelfPub; 2025

Аннотация

Коммуникабельность и снисходительность никогда не входили в число достоинств главной героини романа – Вики. Внутренние убеждения девушки порой даже отдают эгоцентричностью, но многое поменяется в один-единственный вечер. В этот вечер Виктория providением судьбы окажется в ночном клубе и увидит их... Его... Компанию фамилярных молодых людей, полных безнравственного поведения, за что она сразу титулует их «зверями», и его, единственно, чем выделяющегося на фоне распущенных друзей, – своей чарующе обольстительной внешностью. С этого момента увидеть его – это как глоток воздуха, в котором неделя за неделей Вика нуждается всё больше. И по какой-то неведомой силе отныне судьба милостиво сталкивает их, будто внемлет мольбам девушки... Эта книга расскажет о внезапно вспыхнувших чувствах, о том, как в их тисках окружающий мир теряет смысл, и собственные предрассудки терпят фиаско.

Арина Горская

Моя последняя надежда

Пролог

Клуб... Зачем я здесь? Я не люблю клубную жизнь, я не люблю то, что здесь происходит и к чему это приводит. Хотя «не люблю» – это ещё мягко. Ненавижу – передаст более правдивые чувства, испытываемые мной к этому адскому заведению разврата и прелюбодеяния. Но сегодня я здесь и нет смысла искать оправдание моему нахождению в этом месте. А отговорка в виде: «Я тут за компанию» – звучит неубедительно и фальшиво, поэтому не хочу искать мотивов и замыкаю свои мысли исключительно на том, что происходит вокруг.

Сидя за столиком в гордом одиночестве, когда мои однокурсницы зажигают танцпол и трутся с малознакомыми парнями, я тяну солодкой из бокала мохито. Кто все эти люди вокруг? Что они есть по жизни? Я бросаю взгляды поочерёдно на каждого и почему-то злюсь. Моё негодование достигает апогея, когда я останавливаю своё внимание на парнях, столпившихся у шеста со стриптизёршей и готовых вот-вот её оттуда свергнуть и разодрать от сладострастия в клочья. Неуправляемая стая голодных зверей, впервые открывших для себя, что на планете Земля существует особь противоположенного пола.

Пока девица вдохновенно накручивается вокруг своей оси, «звери» заливают свои похотливые желания высокоградусной алкогольной продукцией из бара и устраивают настоящий кипишь у пилона. Ржание, блеяние, утробное рычание, свист в слиянии с целой гаммой неприличных движений, так понимаю, самое малое, на что они способны. Через часок-другой здесь будет развёрнута целая программа завоевания места под солнцем и от одной такой мысли к горлу подступает тошнота. Каждый из этой своры будет сражаться не на жизнь, а на смерть, в попытке доказать, что именно ОН окажется сегодня ночным спутником королевы шеста. Но в короли уже давно избран чванливый дядька с толстым кошельком и подстать пузом. И пусть пару десятков лет назад он ничем не отличался от этих «зверей», а может был и того хуже, но сегодня он царь, он может позволить себе всё и всех. Точнее, всё и всех ему могут позволить те бумажные купюры, которые делают его жизнь толстой и являются гарантией того, что сопляки, вроде паршивцев у ног стриптизёрши, должны немедленно подвинуться в сторону в ожидании и мечтах о том, что когда-то и к ним снизойдёт счастье стать подобием этого толстопузого жлоба, решившего немного пофорсить своим состоянием. Но пока «зверьё» не понимает своей участи и продолжает гулить и надираться. А я, изучая каждого «зверя» друг за другом, пытаюсь понять, что толкает этих людей на такое отношение к жизни, что сейчас формирует их поведение и смысл существования.

Почему, не видя воочию этот гнусный спектакль, многих из этих ребят, встретив на улицах города, даже нельзя было бы заподозрить в такой низости.

Ди-джей орёт в микрофон, стараясь ещё больше распламенить молодёжь под ультрафиолетовым освещением, клубы дыма рвут на танцующих, погружая в полумрак весь зал, а я зависла. Мой взгляд и разум сосредоточен на нём. Что с ним не так? Думаю, всё так! Типичный клубный прожигало жизни. Но я выбрала именно его объектом своих мыслей и что-то манит меня в его внешности. Чёрные волосы топорщатся соломой вверх благодаря чудо-гелю для укладки, а тёмные, видимо, карие, наглые глаза пожирают каждую проходящую мимо девицу, когда в сочетании с губами, растянутыми в вызывающей ухмылке, адресуют жертвам взгляда некоторые невысказанные непристойные предложения. И вот это «нечто» в самом эпицентре «звериной компании», но магия стриптиз-шеста из них всех единственно лишь на него не действует. Ха, он выше этого! В совокупности умён и хитёр к тому же. Зачем заикливаться на одной, если вокруг десятки более реальных на развод цыпочек. Он видно прожжённый захватало типичных заведений и заранее знает, кому именно может принадлежать то, что сейчас витиевато сползает по шесту. Не по зубам, потому что не по карману! Парень не обнадёживает свои мозги и не тратит время попросту, он на охоте в гуще леса, который кишит разнообразной дичью, так зачем же лезть в заповедник?! Женский пол

для него, мы все – мясо и не более. Полнейшее отвращение к его персоне – это меньшее, чем я могла бы ответить ему, представься такая возможность. А пока между нами целый клуб, о моём существовании ему неизвестно, да и будь известно, вряд ли для него что изменилось, но лично для меня происходит катастрофа мирового масштаба. Взгляд оторвать от него у меня не получается и из клуба я сегодня уйду вдоволь наглазевшись на это отвратительное создание.

Глава 1.

Сегодня то, какой ты человек среди особей женского пола (хотя, в некоторой мере, это могут на себя примерить и особи мужского пола) определяется: статусов ВКонтакте, количеством лайков на твоих губастых полуобнажённых селфи, а также величиим аватарки. Для знатности последней, нужно опять же либо раздеться и удивить всех размерами бюста, кубиками на животе или упругими ягодицами с ногами от ушей, либо, что ценится особо, не просчитаться со вторым планом твоих выложенных фоток – твои (или не твои, но об этом никто не знает) тачка, дачка или супер отдых на лазурном берегу.

А я... О боже, как я ненавижу всю эту показуху, всё это стремление к публичной жизни, всех этих людей-онлайн, что прячут истинность своей натуры за экранами мониторов, пытаясь быть теми, кем они никогда не являлись. На эту тему я могу разглагольствовать часами, правда, лишь в глу-

бине своей головы, будучи наедине сама с собой. И всё по причине того, что я достаточно замкнутый человек. И дело не в том, что я не умею общаться и заводить друзей, дело в том, что я не нахожу общих тем с людьми, живущими в сегодняшнем дне. Возможно, проблема кроется в моём воспитании, поэтому интересы большинства ребят настолько для меня примитивны и ограничены, что хватит одного предложения. На мой взгляд, вся суть таких интересов: подольше поспать, повкуснее поесть, попить покрепче и зависнуть в виртуальном мире, а если представится случай, вырваться в реальный – быстренько удовлетворить свои некоторые, в том числе биологические, потребности (секс, наркотики, алкоголь – вписки, секты, синий кит) и если уцелел, бегом-бегом назад в виртуалку.

Я постоянно задаю себе вопросы, почему людям нравится тратить своё ценное время на пустую болтовню, на бесконечные лайки, фейки, твиты, посты и так далее, почему выкладывать в ютуб видео, содержание которого иногда доходит до абсурда, становится не просто нормой жизни, а её смыслом, который окончательно определит количество просмотров.

Иметь страницу в соцсетях уже стало необходимостью, ведь даже придя в поликлинику на приём, вы найдёте в своей амбулаторной карте графу «электронный адрес», не поэтому ли все мои знакомые имеют по несколько аккаунтов, а некоторые даже и вовсе ведут собственные блоги. И я сотню

раз от разных людей слышала однотипное оправдание, почему нужно сидеть в соцсетях: «Там столько много интересных людей. Представляешь, ты можешь расширить круг своего общения на сотни, тысячи, десятки тысяч километров. Теперь появляется больше возможности встретить твоего человека, не нужно выбирать вторую половину из ограниченного числа. А интрига всего этого поиска, переписка, неожиданных открытий заставляет вновь и вновь порхать сотню бабочек в твоём животе». Бла-бла-бла! Но интересней становится дальше – что загоняет человека в тупик после его словоизвержения? Вопрос! Обычный вопрос: «Твоего человека?! А что ты включаешь в это понятие?» Кто он – этот «Йети»? Ещё ни разу я не слышала внятного ответа! Или просто его не существует? А если даже и существует, то вряд ли его даст человек, который весь окружающий мир видит через экран монитора и наивно полагает, что земля идеально круглая, ведь глобус – трёхмерная модель Земли выполнена в виде шара.

Увы, многие наши убеждения ошибочны! Земля не шар! Внешний мир опасен, но не опаснее тех мест, где всё известно и знакомо. А человек, с кем мы прожили всю свою сознательную жизнь не всегда тот, за кого себя выдаёт. Прочитайте биографию Чикатило – ни его семья, ни знакомые, ни опытные эксперты в последствии не смогли распознать в нём маньяка, а ведь этот человек был настоящим душегубом и вёл при этом, на первый взгляд, спокойный образ жизни,

работая школьным учителем. Я не хочу никого пугать, но такова реальность – а кто же может оказаться по ту сторону экрана? Твой человек? Этакое мифическое создание этот «твой человек»!

И скажите, стоит после всего этого искать у чёрта на рогах кого бы то ни было и заставлять поверить весь мир, что это правильно? Может лучше учиться разбираться в людях, которые живут на вытянутую от нас руку, чтобы потом не удивляться, почему сосед оказался серийным убийцей. Уверена, вокруг нас не менее разношёрстная публика, нежели в интернете, с тем огромным несгораемым бонусом, что это сто процентно реально существующие представители рода человеческого. Я считаю проблемой то, что чаще всего, мы даже не знаем тех, кто живёт с нами на одной лестничной площадке или в доме по соседству. И я, такая ярая противница интернет сетей, как оказалось, не исключение.

Каждый раз убеждаюсь, что мир тесен. Я никогда раньше не видела того парня из клуба и вот теперь он везде. В медицинском универе где учусь, на остановке у гипермаркета, в том самом гипермаркете, в городском парке, а самое «замечательное», выходящее за грань моего понимания – в библиотеке, в городской библиотеке! Весь такой пай-мальчик, почтительный с окружающими и какой-то совсем не такой, каким я его помню в клубе. Оборотень ночной и дневной жизни, совсем неприметный в последнем амплуа своего перевоплощения. Неудивительно, что ранее он не бросал-

ся мне в глаза. Зато каков под завесой ночи! Раз увидишь – никогда не забудешь. Не поэтому ли я теперь радуюсь возможности в дневное время суток украдкой разглядывать его вдоль и поперёк? Теперь я в точности до мелочей знаю каждый дюйм его лица, каждый жест его тела, каждую нитку его одежды.

Я сижу на паре и яростно сражаюсь со своими мыслями. Они крутятся исключительно вокруг последней субботы в клубе. Память играет со мной, предоставляя на обозрение всё новые и новые открытия из той ночи. Оказывается, я чересчур наблюдательна, хотя в ту ночь моё внимание казалось мне избирательным. В тот момент к некоторым элементам я была более восприимчива, нежели к другим. Но сейчас я понимаю, что видела тогда куда больше, чем успевала анализировать. Плохо для меня только одно – моё внимание было сосредоточено исключительно на одном человеке и всём происходящем вокруг него.

С той злосчастной ночи в моей голове только одна проблема – выкинуть из неё этого парня. Увы, сделать это мне пока не под силу, я продолжаю себя самоистязать, рвусь мыслями к нему и меня даже не смущает, что сейчас я на паре. Отныне его расплывчатый образ – мой внутренний мир. Воссоздание деталей – возможность найти причину помутнения собственного рассудка. Поэтому я очередной раз даю оценку его внешности. Начинаю с причёски. Как же меня уже порядком

достала эта мода на взъерошенные волосы парней, аля Эдвард Каллен из нашумевшей вампирской саги. Случайно не он занёс к нам в Россию это веяние «лизнули против шерсти» на голове мужиков?! Или волосы дыбом – это эпидемия всеобщего испуга?! А может всему виной известный нападающий Реала? Может парень косит под него? У них и правда много общего! А может я придираюсь? У нас что, своих идолов нет? В общем, возвращаясь к кареглазому – ему идёт эта причёска, но так сейчас ходит каждый полторашный и это мягко сказать поддоставало. Почему мы всегда стараемся стать тем, кого нам рекламируют, почему мы не можем быть просто собой? Мы – многочисленная армия клонов тех, кого нам объявляют образцами для подражания. Они называют это – мода. Мода – страшная штука, она определённо правит миром вместе с Макдональдсом. Он, кстати, тоже мода. И вот под строгим взглядом моды мы готовы применять в отношении себя мазохистские наклонности по удалению или добавлению нежелательных/желательных элементов. Бр-р-р, ведь только эпиляцией зоны бикини можно пытаться ...

Медленно, но верно я ухожу в мысли о том, что тот парень из клуба был знаком с достаточно обширным кругом людей и чуть ли не брался с самим ди-джем, не говоря уже о бармене и, само собой, официантках. Потом заостряю внимание на мелочах, а точнее – его одежде. Может это бы и не имело значение, но я слишком люблю читать глянцево-журналы всё той же моды (я – не менее других её заложник)

и бренд отличаю от подделки даже в полумраке. Вряд ли я ошибусь, сказав, что на этом парне были одеты, как минимум, брюки от Versace и рубашка от Gucci. Благосостояние не показатель благоразумия!!!

Тут же я вспоминаю его же, замеченного мной в университетской столовой и воспроизвожу его образ в мелочах. Там он предстаёт передо мной в каких-то отрепьях в сравнении с клубным образом: невыносимые классические брюки, купленные чуть ли ещё не на выпускной в школе и свитер времён молодости моего дедушки, а в тандеме приобретённые на одной из барахолок города для населения достатком ниже прожиточного минимума. Начинаю вспоминать одежду при других с ним столкновениях и понимаю, что он почти всегда в тех же брюках и свитере. Что-то странное с этим стопроцентно кареглазым мальчуганом!

И ещё раз о его чудо-шевелюре... Он посетил парикмахера? Волосы кажутся короче и пусть также топорщатся вверх, но скорее не от укладки, а от полного её отсутствия (всё мне не так – и с укладкой и без неё, словно кого-то волнует моё мнение). Видимо, после выходных парень напрочь забывает, что существует расчёска. Хотя в нашем универе это вовсе не удивительно, особенно на старших курсах (а он явно старше меня). Задают так, что некогда отвлекаться на всякие мелочи жизни, типа одежды, причёски, макияжа. Когда смотрю на иссохшие тела старшекурсников, создаётся впечатление, что они не едят и не пьют, тем самым даже не отвлекаясь на

естественные потребности организма. Ничуть не удивительно с таким раскладом, что на выходные крышу срывает!

Я сижу и вывожу карандашом цифры в каждой клеточке листочка, что значат эти числа, не ответит даже самый прожжённый экстрасенс. Эти числа – не что иное, как возможность дать мозгу разгрузку, в его погоне за воспоминаниями. Я на полном ходу несусь в прошлое к тому парню-из-зверинной-компании в клубе и, если не попытаюсь сбросить обороты, разобьюсь в лепёшку об его циничный фейс. Он весь фонтанирует в том клубе надменностью и высокомерием, а этих качеств я никогда не ценила в людях. Я ненавижу ему подобных, но почему-то выкинуть из головы это изобилие амбиций у меня не выходит. Я вспоминаю, как за десять минут до своего ухода наблюдаю за ним и вижу его спину в толпе зажигающих на танцполе, а уже через минуту он выйдет оттуда с длинноногой блондинкой в серебристом мини-платье и та будет светиться радугой, словно сорвала куш. А он будет холоден и всё также эгоцентричен, она будет при нём, а он всё также при всех остальных, оставшихся сегодня без его внимания. Он закажет в баре блондинке какой-то коктейль, буквально всунет ей его в руки, словом сухо что-то кинет ей в лицо, та опрокинет бокал за какие-то секунды и уже через пару минут они покинут клуб. Здесь же я осознаю бесполезность собственного прозябания в этом злачном месте для молодёжи и, не попрощавшись с давно забывшими меня подругами, следом за новоиспечённой парой выйду на-

ружу на свежий воздух. Я замечу, как парень с блондинкой сядут в такси и вспомню, как перед самым выходом из зала кареглазый обернулся к своей «звериной компании» и подмигнул остающимся друзьям. Я вспомню их ухмыляющиеся лица, в подтексте чьи-то полные отчаяния, чьи-то полные восхищения, а чьи-то полные иронии. И пусть блондинка не заслуживает моей жалости, но мне всё равно станет её жаль. Хотя девушка и не нуждается, скорее всего, в моём сочувствии, ведь она сейчас безмерно счастлива и верит, что сорвала джек-пот. Она даже не думает, точнее не хочет просто думать, что подписывается на мимолётную связь. Вероятно, она осознаёт, что впереди всего лишь секс, и она хочет этого, но в глубине души надеется на большее. Возможно, она хочет полагаться на то, что окажется той самой единственной, которую этот кареглазый после их близости не захочет от себя отпускать и так начнётся их сказочная история любви. Но она обманывает себя и об этом знают все: компания «зверей», бармен за стойкой, сам кареглазый, я и она сама, хотя предпочитает продолжать себе врать и надеяться. Всё на свои места расставит завтрашний день, хотя что-то мне подсказывает, что это «всё» – и того случится ранее.

Неожиданный звонок заставляет меня вздрогнуть, и карандаш вылетает из моих рук. Я поднимаю глаза, когда вся аудитория приходит в движение и все начинают скоренько собираться на перемену. Я кидаю секундный взгляд на

подругу и понимаю, что мне предстоит долгая и томительная десятиминутка «захватывающих» рассказов её любовных походов. Иногда мне даже кажется, что все мои знакомые девушки отныне помешаны на парнях и сексе, а я представляюсь на их фоне фригидным существом, пренебрегающим общепризнанными устоями общества. Учитывая всё ж возможность существования в себе самой данного отклонения от нормы, я резко встаю, кидаю в сумку блок листов и карандаш и чуть ли не бегу к выходу, игнорируя любые оклики. Я не знаю, почему меня раздражает вся эта суматоха кто и с кем, и сколько раз, но, сколько себя помню, я всегда сбегая от любых дискуссий на тему: он-такой, что-я просто не-смогла-устоять.

Пока моё имя эхом гремит по аудитории и коридору, я уже сбегая вниз по лестнице и спешу вдоль этажа в другую аудиторию на лекцию по латыни. Я анализирую, почему никогда ни с кем не обсуждаю межличностные отношения, хотя сама с собой подвергаю анализу всё – что и кто попадётся на моём пути.

Мне нравится изучать людей, их взаимоотношения. Я могу часами напролёт сидеть и разбираться в людях, познавая жизнь в целом и делать определённые выводы о происходящем. Я не обладаю экстрасенсорными способностями, но я чувствую людей и их поступки, я наперёд знаю, кто и чего стоит и как бы это «скромно» не звучало, но я чаще права в своих убеждениях, нежели наоборот. Полагаясь на интуи-

цию, я часто выигрываю, жаль только в отношении себя я никогда её не слушаю и иду наперекор.

— Ну спасибо!— тихим злым голосом роняет парень, когда из-за поворота я врезаюсь прямо в него и стопка, недавно удерживаемых им в руках учебников с грохотом валится на пол, разлетаясь по всем углам коридора. Я резко кидаюсь собирать дело рук своих, хотя абсолютно не виновата в том, что именно мы двое любим по универу передвигаться вдоль стеночки и, согласно геометрии помещения, сталкиваемся в местах соединения стен.

— Извини!— насупившись, возвращаю я ему книги и только сейчас замечаю, что передо мной кареглазый. Я замираю и только что не пытаюсь его изучить на ощупь, нагло глазею на него в упор. Он недовольно смотрит на меня и забирает книги, в глазах горит немой вопрос: «У нас что, уже сумасшедших на медицинский набирают?» Но он всё же наигранно учтиво кивает и, обходя меня стороной, исчезает за поворотом, а я ещё несколько секунд прихожу в себя. Он слишком разный — тот, что в клубе и тот, с кем я столкнулась сейчас. Не то что не похож, просто у него взгляд такой же, но другой. Что несу?

Я встряхиваю головой и иду дальше. Мысли Московским метрополитеном беспорядочно несутся в моей голове. И что мне теперь не даёт покоя этот кареглазый заносчивый задир? Мои мысли отныне витают только вокруг него, а судьба, будто целенаправленно, сталкивает нас каждый день. Мо-

жет это знак? Только вот знак это или нет, но мне такого увлечения не нужно! Я не хочу стать очередной одномоментной жертвой напыщенного индюка, который кроме удовлетворения своих потребностей, больше ни на что и не горазд. Увольте, но за такими парнями я даже последней в очереди не встану, насколько бы прекрасны внешне они не были. А этот очень из себя даже ничего и, видимо, внешне полностью в моём вкусе, если я так на нём заиклилась. Но что значит внешность, когда человек гнилой изнутри?! С таким раскладом красота для меня отходит на последний план и человек перестаёт мне быть интересным. Но почему-то, опять же, ни в этот раз? Этого злодея забыть выше моих сил! Хотя надо бы!!!

Немного не дойдя до аудитории, я останавливаюсь в коридоре у окна и полная размышлений о парне из клуба, смотрю на улицу. За окном льёт дождь, и осень на полном праве уже два месяца правит в городе. Картина унылая и кроме тоски больше ничего мне не навивает. Деревья голые, улицы грязные, небо мрачное и низкое – обстановка давит на мозг и дробит его на части. А если ещё вспомнить холод пронизывающего ветра, то вообще захочется забиться в какую-нибудь кладовку и носа не казать на улицу до наступления весны. Я зябко ёжусь и смотрю в сторону коридора, откуда пришла. Опять он! Ну что ты будешь делать!? Стоит с каким-то парнишкой и что-то оживлённо обсуждает. Ну вот, всё вокруг как будто сговорилось давить на меня и загонять в угол.

Я отворачиваюсь и иду в аудиторию.

Я уже два месяца учусь на первом курсе медицинского, а этот парень, скорее всего, на одном из последних. Но, не считая последней недели, я его прежде не замечала. Зато после злополучной ночи в клубе, он только и делает, что маячит перед моими глазами. И ладно, если бы умышленно! Так нет, дело рук кого-то свыше. Куда катится мир и моя жизнь вместе с ним? Я злюсь на себя и того, кто затеял эту игру с моим теперешним мировосприятием.

Кидая сумку на столешницу, я сажусь за парту и приставляю голову на руки. Маяковского с его «Что такое хорошо и что такое плохо» выдаёт мой мозг и таким образом я заставляю себя не думать о насущном. Однако я чувствую иронию в происходящем – более подходящего на злобу последних дней стиха мой мозг выбрать просто не мог. Я молча салютую своему тонкому остроумию. Внутренне я усмехаюсь комизму происходящего и продолжаю цитировать строчку за строчкой.

Когда-то этот стих меня раздражал, ведь папа постоянно читал его мне наизусть, но я... Внимание! Я же просила сказку про принца и принцессу! Увы, папа настойчиво продолжал рассказывать лишь то, что хорошо знал. Сказки – не его сильная сторона, другое дело Маяковский – любимый поэт, творчество которого, казалось, было зазубрено от корки до корки.

– Вот, вот, ты только посмотри, – перед моим носом шмя-

кается журнал Elle. Моя новоиспечённая подруга Лера и по совместительству завсегдатай клубов, которая и сагитировала в последнюю субботу меня впервые туда отправиться в честь своего дня рождения (будь оно неладно), садится рядом.— Куда так умчалась?

Догнала-таки! Хотя мы с ней и без того рано или поздно оказались бы в одной аудитории. Я вздыхаю и перевожу на журнал взгляд, тихо кидая набор слов:

— По делам надо было срочно.

Отговорка — паршивее некуда, учитывая то, что я со своими делами оказалась с Лерой в аудитории практически в одно и то же время, даже ещё раньше. Но мои оправдания Валерию не интересуют, вопрос чисто для галочки и меня такой расклад очень даже устраивает! Я смотрю на распахнутую страницу, где представлена красная сумка от Dior. Лера усиленно тычет в неё пальцем и только что слюни по сторонам не летят от усердия.

— Мило!— киваю я, хотя у них есть более стоящие модели. И моя чёрная сумка тому пример, пусть никто пока и не догадывается, что она дизайнерская, а не из магазина «Для всей семьи» — дешёвая подделка. Распространяться на эту тему я как-то и сама не хочу. Сложно будет объяснить ко всему прочему, что у меня просто отец хорошо зарабатывает и позволяет мне тратить деньги на дорогущее шмотьё и аксессуары. Я сразу стану в глазах большинства зажавшейся сучкой, вторая же половина будет стремиться к общению

чисто из-за меркантильных соображений. Но мне такие отношения точно не в радость.

– Да какое «мило»! Она – потрясающая! Но ты лучше посмотри на цену! Одуреть можно! Посмотри, двадцать косарей!

Да, есть немного! У меня цена поскромнее будет в два раза, хотя в остальном моя авоська, на мой взгляд, вряд ли проиграет представленной модели.

Я беру журнал и мимоходом его листаю, а Лера тем временем что-то ищет в своей сумке, приговаривая себе под нос одну и ту же фразу:

– Я убила бы за сумку от Диор.

Видимо, мне стоит опасаться! Я незаметно улыбаюсь сама себе, когда Лера из недр сумки извлекает то, что искала. Этой иглой в стоге сена оказывается сотовый. Теребя средство связи в руке, она тут же начинает с коверкания моего имени на собственное усмотрение тот самый рассказ, которого я так опасалась.

– Прикинь, Вики, я вчера на вечеринке в честь открытия нового торгового центра у вокзала с таким парнем познакомилась! Увидишь, прям пальчики оближешь. Представляешь, он весь вечер от меня не отходил как примагниченный. Сказал, что запал с первого взгляда. И угадай сколько ему?

Лера выпячивает глаза и становится похожей на носителя экзофтальмии. Я еле сдерживаю очередной смешок, пока моя одноклассница ожидает от меня заветного: «Сколько?»,

но вот в чём беда – мне всё равно. Я буду просто счастлива, если она встретит парня, с которым у неё завяжутся стабильные отношения, но её выбор за полгода нашего знакомства – это всегда моральный урод, который исчезает после первого полнолуния. Самое тошное в этой ситуации, если полнолуние – завтра, а она уже с ним переспала. Я перевожу взгляд на подругу, а она умоляюще складывает перед собой руки и мне ничего не остаётся, как отложить журнал и наиграно заинтересованно протянуть:

– И-и-и-и?

– Двадцать шесть. Представляешь, двадцать шесть! Шикарный улов, не находишь?

– Лер, возраст это же не самое главное, не правда ли?

– Не будь занудой, Вики! Опыт, деньги и популярность – производные возрастной шкалы. Чем старше, тем больше вышеперечисленного. Ему двадцать шесть! Догоняешь!

– Знаю много парней, которым уже за тридцать, а их производные хуже некуда. По крайней мере, за последние две отвечаю.

– Ну это тупые ленивые уроды, которые ни к чему не стремятся. – Лера раздухаряется и доказать ей теперь что-то сложно.

– Тогда зачем тебе двадцатилетний, не разменивайся и ищи сразу на шестом десятке. Только представь, какие производные там! – я просто ухмыляюсь и беру обратно в руки журнал, но её ладонь останавливает меня. Она корчит

мне рожицу.

– Ха-ха-ха, смешно. Но подожди, дру́жка, что покажу.

Её любовь к смене ударений в словах, а также к коверканию этих слов на свой лад, порой меня убивает. Уверена, она знать не знает, как именно толкуется слово «дружка», но всё же его применяет. Возможно, она думает, что только что ввела в обиход слово, которого доселе, на её взгляд, не существовало. Хотелось бы её разочаровать, но у меня проблемы глобальней! Валерия рыщет по своему телефону и тут же суёт мне под нос смски. Вот только этого мне не хватает! Я отгораживаюсь от подруги:

– Не надо личных переписок. Я тебе и так верю!

– Нет, ты послушай. Он мне сегодня утром написал, читаю дословно: «С добрым утром, солнышко! Какие планы на сегодняшний день у моей возлюбленной?», а потом: «Не могу дождаться минуты, когда увижу тебя снова. Не знаю, как пережить сегодняшний день без твоих глаз и улыбки!» Прикинь! А ведь у нас с ним ещё ничего не было. Что скажешь?

Думаю, моего честного ответа сейчас никто не ждёт. Стоит мне сказать, что ей заливают и тупо разводят, она даст мне оплеуху тем, что я ей «тупо завидую» и дальше всё станет ещё хуже. Мне будут описывать каждую секунду их совместного времяпрепровождения с целью выбить заветное...

– Поздравляю, видимо, ты встретила парня своей мечты!— без попытки сдаюсь я, но всё же добавляю, чтобы совесть не мучила.— Аккуратней только будь и не лезь в петлю раньше

времени. Узнай его получше, у всех есть свои тёмные стороны.

– Ты же меня знаешь!

Именно потому, что я тебя знаю, я всё это тебе и говорю. Уже сегодня ты с ним переспишь, а завтра-послезавтра будешь рыдать, что он оказался козлом. А кто виноват? Давай угадаю!! Я обречённо вздыхаю и корю себя в предвзятом отношении к подруге. Но меня понимают иначе:

– Не переживай. У меня идея тут созрела. Я приглашу его пойти с нами в клуб и попрошу взять с собой друга.

Я буквально взвизгиваю:

– Нет, не надо, не надо друга и никого вообще мне не надо.

– Боже, ты так навсегда останешься старой девой!

– Не говори того, чего не знаешь!– отпихиваю я от себя её журнал и с удовольствием бы отпихнула саму Леру. Скорее бы уже звонок!

– А что у тебя был кто?– думаю, возможности задать этот вопрос она ждала полжизни.

– Лер, успокойся уже. Мы в аудитории, вокруг нас люди, а у людей есть уши.

– Ха, тогда потом расскажешь,– подмигивает мне Лера и я уже готова взорваться от гнева. А она, как назло, продолжает.– Просто имей в виду, этот парень, его, кстати, Андреем зовут, так вот он – красавчик. И у него стопудово красивые друзья. И друзья тоже ищут красивых девчонок. А ты же знаешь, что из всей нашей женской компании, ты одна из

самых эффектных. Другу Андрея просто нереально повезёт познакомиться с такой... — звенит звонок и заглушает дальнейшие излияния Леры. Я радостно скрещиваю указательные и средние пальцы и произношу хвалу тому, кто спас меня сейчас от совершения убийства.

Глава 2.

Человеку свойственно противоречить самому себе и, видимо, я не исключение. Наступают выходные, и я опять иду в клуб. Не буду обманывать себя, иду я туда в надежде увидеть того кареглазого и ещё раз убедиться в двойственности его натуры. Вопрос: зачем мне это надо? Я не знаю! Я просто хочу его увидеть и ничего не могу поделать со своим неистовым желанием. Надеюсь, помешательство временное и когда сегодня я снова увижу, как он кадрит очередную девушку, окончательно выкину из головы любые мысли о нём.

И вот опять я сижу за тем же столиком и наблюдаю. «Звериная компания» прибывает к полуночи, кареглазый приходит самым последним. Сразу заказывает себе выпить и отправляется на охоту. Сначала он высматривает жертву, находясь в кругу своих друзей. Поведение вызывающее и в его исполнении меня это чертовски привлекает. Я опускаю глаза и ругаю себя что есть мочи. Что может быть привлекательного в безрассудстве и пошлости? Я такая дура! Я иду наперекор своим взглядам и уже сомневаюсь в своём ли вообще уме! Я опять зрительно возвращаюсь к парню и вспоми-

наю его облик в повседневной жизни. Нет, здесь что-то не так. Опять брендовая одежда, выхоленность на грани абсурда, слащавая улыбка и взгляд – хищный, прожигающий и даже чопорный. Ну не было ничего такого вызывающего в глазах этого парня, когда я с ним столкнулась на днях в университете. Не может человек так мастерски меняться в зависимости от обстановки. Или может?

– На кого пялимся?

Я испуганно подпрыгиваю от неожиданности и оборачиваюсь. Надо мной нависает мой бывший одноклассник по совместительству бывший парень. Наше расставание состоялось три месяца назад по причинам нам обоим предельно понятным и совершенно недостойным, чтобы их вспоминать.

– И тебе привет, Сергей! – ухмыляюсь я, хотя сама ещё не могу отойти от встряски по результату неожиданного вторжения в личное пространство в самый неподходящий момент. Серёжа наклоняется и целует меня в щёку, хотя это – совсем необязательно. Расставание было обоюдным решением и от угрызений совести никто не мучается, даже наоборот, скорее мы вздохнули с облегчением. За год отношений мы загнали друг друга в такой тупик, что логичным их завершением, кроме расставания, был бы чей-то суицид. Для меня же наши отношения, это урок на будущее – нечего пытаться создать что-то в виде высоких межличностных взаимоотношений там, где нет никаких чувств. Мы учтиво безразличны друг другу и так было всегда, нам просто приятно

общаться и не более. А общаться желательно не больше раза в месяц от силы полчаса и это предел.

— Привет,— лукаво отвечает он мне и плюхается на соседний стул.— Ты одна? Как дела? Как универ? Давно здесь?

— Ты решил на раз выдать весь арсенал вопросов, чтобы получить один обобщённый ответ?

— Будет сложно ответить обобщённо сразу на всё.

— Если позволить себе учтивое: «Тебя это не касается!», то считай, я выкрутилась!

— Да уж, твоя манера мыслить меня всегда восхищала!

— Вот только воском лить в уши не надо!

Серёжа смеётся, а я украдкой пытаюсь найти кареглазого, которого упустила из поля своего зрения из-за появившегося собеседника. Поиск меня слишком увлекает, и Серёжа решает подковырнуть:

— Дай хоть взглянуть на того, кто мог заинтересовать твою вольную душу?

— Не стоит утруждаться!

— И всё же, кто может похвастаться повышенным вниманием от тебя?— Сергей оборачивается в сторону моего взгляда, но, видимо, избыточное количество людей, находящихся под моим обзором, ему не под силу обработать, чтобы вычленить один конкретный объект. Он опять возвращает своё внимание ко мне.— Что, даже по старой дружбе не скажешь?

— По ней драгоценной я вообще молчать как могила буду! Если тебе хочется поболтать, можешь рассказать о себе.

– В противном случае – вали! Намёк понят!

– Твои домыслы, Серёж!– я перестаю таращиться на «звериную компанию» и на весь танцпол в целом, понимая, что кареглазого там уже нет и переключаю своё разочарованное внимание на собеседника.– Чем обязана твоему вниманию конкретно я – вот с чего следовало начать наше общение?

– Ничего значительного, так!

– Слушай, ты знаешь, я не отличаюсь любопытством и выдвигать из тебя правду, как из тюбика со столетней пастой, не намерена.

– Ладно. Моему другу понравилась твоя знакомая, что вон там танцует в красном платье,– Серёжа кивает в сторону танцпола, но я туда даже не смотрю. Я отлично знаю, кто у нас там в красном платье – Лера. Серёжа нервно откашливается, а меня уже начинает корёбить. Некоторые парни – идиоты! Подойди и сам познакомься, если надо! Не ищи лёгкие пути, они для чайников. Что ты за парень вообще такой, если девушку боишься?! Сначала его познакомь, а потом ещё сама за него и поговори, а он постоит в сторонке, поучится! Полнейший беспредел. Серёжа наклоняется ко мне ближе.– Ну что, познакомишь!?

– Кого друга или тебя?– спрашиваю я, хотя ответ мне очевиден. Он ещё мне и врать пытается. Снова! У него это никак вошло в норму. Тогда пусть попыхтит, если быть ослом нынче в моде.

– Ты меня познакомь, а я потом там всё переиначу и раз-

рулю.

– А-а-а!– протягиваю понимающе я, хотя сарказма у меня в этом звуке больше, чем семян в булочке с маком.– А если я скажу, что у неё уже претендент в парни есть, это что-то поменяет?

– Не хочешь знакомить? Тебе неприятно, что я прошу тебя об этом?

– Не льсти себе! Хотя, возможно, совесть должна была тебе ручкой помахать, прежде чем ты решил справиться с помощью меня со своей пониженной самооценкой!

– Не хочешь – не надо!

– Серёж, да без проблем!– меня абсолютно не задевает его просьба, просто я не люблю: а – враньё; б – балбесов. Я пожимаю плечами – что с него взять?– Я тебя могу познакомить со всеми девушками, которые в нашей компании. И Лера – та, что в красном, не исключение. Пошли!

– Где подвох?

Я вздёрнула брови. Наверно тяжело жить, когда сам не знаешь, чего хочешь. Ещё тяжелее видеть во всём подвох. Парень вырос, а проблемы юношеской заниженной самооценки до сих пор остались. Я покачала головой:

– Подвох в твоих мозгах.

– Я, пожалуй, пойду,– резко встал Серёжа, и я сразу поняла, чем вызвана такая поспешность. В нашу сторону двигалась Лера и Оля, одна из наших знакомых по универу. Ну уж нет, теперь он так быстро не смоеется. Поймав его за пред-

плечье, я заулыбалась девочкам и жестом предложила ускориться.

– Не будь ребёнком, ты же этого хотел!– насмешливо выдавила я в сторону Сергея, а тот заметно напрягся и, видимо, язык проглотил.

– За нашим столом прибыло!– подмигнула мне Лера, едва приблизившись к нам. Но присутствие Сергея ею явно было истрактовано неправильно, она посчитала, что он подсел знакомиться ко мне, ведь свою личную жизнь я никому не афиширую – ни прошлую, ни настоящую. Я ещё шире улыбнулась и начала знакомство.

– Девочки, хочу представить вам моего бывшего одноклассника – Сергея, Сергей – это Лера и Оля.

– А-а-ам,– слишком откровенно разочарованно получилось у Леры. Её точку зрения я помнила дословно: одноклассники – даже взгляда нашего не достойны, если любишь детей – устройся на работу в ясли. Она села за стол и уставилась в свой сотовый, лишь после под нос промямлив. – Если поболтать захотели, можете посидеть здесь. Подслушивать не буду.

В этом-то вся Лера. В эту секунду мне Серёжу даже немного жаль стало. Но он получил то, что хотел – знакомство. За Лерино же поведение я не в ответе.

– Ясно. Прости, что не поверил,– кивнул он мне. – До встречи.

Понимая, что поймать ему вряд ли что-то удастся, Серёжа

тут же удалился. Я посмотрела на подругу, но она даже виду не подавала, что что-то не так. Я перевела взгляд на рядом севшую Олю, но та как ни в чём не бывало смотрела по сторонам. Так понимаю, только меня смутило поведение Леры.

– Поболтать подходил?– сухо резанула она через некоторое время.

– С тобой познакомиться!– также сухо ответила я.

– Фу, какая гадость. Самоуверенный паршивец, однако!

– А чем плох, Лер? Вроде не урод.

– Симпатичный и больше ничего! Будь он самим Брэдом Питтом или Дэвидом Бекхэмом, но при всём при этом моим ровесником – это провал! Мне не нужны смазливые мальчуганы, которым ещё самая стать слюнзявчик повязывать и сопли подтирать. Тебе, кстати, тоже таких не советую. А у меня тем более теперь есть Андрей. Он через час за мной заедет, и мы поедем по городу кататься. Вся в предвкушении.

Ответить мне было нечего. Ну что тут ответишь, когда у человека ошибочные суждения, но для него самого они являются истинными и ничто в этом мире не способно Леру убедить в обратном. Разве что всемирный потоп и то – маловероятно. Я снисходительно киваю Лере и удаляюсь к барной стойке купить себе какой-нибудь сок. Но прежде всего мне хочется уйти от разговоров и лишних вопросов. Я сажусь и прошу бармена апельсиновый сок, он улыбается и молниеносно исполняет мой заказ. Я тяну из трубочки цитрусовый напиток и случайно бросаю взгляд в сторону выхода, мёрт-

вую точку со стороны нашего столика. Там стоят три девушки и задорно смеются, а развлекают их – кареглазый и высокий бритый налысо парень из «компании зверей». И я очередной раз, как запечатлённая, взираю на все эти действия. Хуже того, я ловлю себя на мысли, что смотрю только на кареглазого и создаётся впечатление, что кроме него я никого больше не замечаю. Прямо сценарий дурацкого дешёвого любовного фильма. Но моя замороженность длится недолго, буквально через минуты три вся пятёрка скроется в неизвестном направлении, хотя я догадываюсь для чего именно. Вот блин!

Я жду буквально минут пять и уйду следом. Зачем приходила? Зачем мне было это всё видеть? Я пытаюсь найти в своей голове ответ и, возможно, я близка к разгадке, только захочу ли я осознать для себя то, что, скорее всего, убьёт меня морально. Это не я! Меня подменили и виной этот невыносимый кареглазый, который поселился в моей голове и не собирается выйти вон!!!

Я проживаю недели в ожидании одних только суббот, когда могу позволить себе пойти в клуб, чтобы в смятении из раза в раз сидеть за привычным столиком и созерцать одного лишь парня. Я вижу его и в университете, но там он всегда выглядит иначе, ведёт себя сдержанно и обособленно ото всех, чем абсолютно меня не привлекает. Мне интересно только клубное его перевоплощение – то, какой он там.

Его раскрепощённость, манера держать себя над всем миром, вызов взглядом, который он бросает любому и каждому — вся его аморальная натура взяла в заложники мой разум и теперь я живу только возможностью тайно наблюдать за этим недостойным типом. Кажется, я изучила уже все его повадки, знаю, как он себя поведёт в той или иной ситуации, но хуже всего то, что я уже стала спецом в его способностях подкатывания к той или иной девушке. Однако паршивее всего я себя чувствую в момент, когда он уводит её и у меня складывается ощущение, что я лезу во что-то личное. Я как человек-невидимка со свечкой у их кровати (или где у них там всё происходит). Я сама, не желая того, становлюсь свидетелем тайнств интимной жизни кареглазого типа со всеми его одноночными подружками и это, мягко говоря, напрягает. Но если говорить уж на чистоту, к концу декабря я начинаю себя ловить на мысли, что ревную. Ревную этого поддонка ко всем женским особям, трущимся возле него, а этот негодяй даже усом не ведёт, что существую я. Хотя, если бы он знал о моём существовании, мало что изменилось бы. Как вариант только он мог бы мне предложить непродолжительную ночную свиданку без возможности дальнейшего общения. Вот какое болото тянет меня в свою вязь, а надежды на спасение уже давно взмыли в небо.

Я всегда считала себя не такой как все. Не то чтобы у меня там лишний палец или третий глаз, просто я как не от мира

сего. Моё мировоззрение как атомная бомба, мои взгляды – бесчеловечны и эгоистичны. То, что всем плохо, для меня – ничего страшного, то, что всем хорошо – я с опаской пыхчусь назад. Я не говорю про то, что наркотики – это круто, а здоровый образ жизни – это вред. Нет! Я немного о другом.

Я весьма холодный и, возможно, даже жестокий человек. В чём это выражается? Да, пожалуйста! Лично я сама наркотики не употребляю, не курю, пью редко (будь проклят клуб по субботам), не меняю парней, не приемлю нетрадиционность ориентаций и т.д., и т.п., но... Но для других я всё это вполне допускаю и мне наплевать, абсолютно наплевать, чем и кто занимается. Мне всё равно до других. Иногда я даже думаю, что существую вне общества, я не его часть, я сама по себе. Мне чаще всего скучно от болтовни кого бы то ни было, чем от одинокого сидения дома. Мне не нужны друзья, я не буду бегать в их поисках. Все мои знакомые – это они инициаторы наших знакомств и их поддержания. Я же в этом не мастак. Я спокойно схожусь с людьми с их подачи и также спокойно с этими людьми расстаюсь. Меня никогда не мучают вопросы типа: «почему он или она со мной так обошлись?», «почему со мной не хотят общаться?», «за что так со мной?» Меня вообще в этой жизни мало что мучает. Я боюсь, пожалуй, только одного, потерять по-настоящему близких и родных людей, которые со мной от рождения. Всё остальное – преходяще и также как преходяще – уходящее. Думайте обо мне, как хотите, я повторяюсь, мне всё равно.

Однажды, я решила, что всё это маска. Что этим я пытаюсь закрыться от окружающего мира, чтобы не быть уязвимой или обиженной кем-то, но потом я поняла, никто не достоин моих страданий, кроме родных. А по мере взросления я убеждалась в этом ещё и ещё, и ещё раз. Даже тот же самый Серёжа, которого я подпустила к себе на недопустимо близкое расстояние, тут же не преминул возможности и вытер об меня ноги. Однако я сама виновник этого промаха, на будущее наука – нечего впускать в свой мир чужих людей, и они не сделают тебе больно. Поэтому, все мои друзья и подруги – это только название, оболочка, за которой для меня нет ничего. Естественно они для меня живые люди и я никогда в угоду себе не пойду по их головам, не причиню им умышленно страданий, но и они мою жизнь должны проходить, а не жить в ней со своими уставами. Та же Лера, представься ей возможность, и она обязательно больно ранит. Для этого не нужно быть семь пядей во лбу, если не найдётся парня, чтобы увести, так хотя бы за глаза обмусолит с одной из своих многочисленных подружек. Вы же не думаете, что это укрепляет дружеские взаимоотношения!? Я лично уверена, что нет, не укрепляет, поэтому мне легче не воспринимать дружбу всерьёз.

Однажды, моя мама сказала, что я просто не умею доверять людям. Она не ставила мне это в укор, она просто констатировала факт и своё мнение, ведь по её признанию и она сама никогда никому не доверяла. Кроме одного челове-

ка. Своего одноклассника и соседа по парте, а впоследствии своего мужа и моего отца. «Это удивительно,— сказала она мне,— но твой отец единственный человек, который нашёл рычаги подавления моего недоверия. Он единственный человек, которому я верю, порой даже больше, чем себе!» Тогда я лишь улыбнулась и сказала что-то типа: «Тебе повезло, мам!» и просто соскочила с разговора. Мне было неинтересно философствовать на тему моей замкнутости в себе, я не видела в этом проблемы. В принципе, я и сейчас в этом не вижу проблемы, но где-то в глубине души меня это всё равно гнетёт. Мне бы хотелось кому-то довериться, с кем-то поделиться тем, что у меня внутри. Ведь кроме родителей у меня нет людей, кому бы я могла открыться, а такие люди нужны любому человеку, ведь совершенно не всё можно рассказать маме и папе в силу исторически сложившихся отношений отцов и детей. А замкнутость в себе, чаще всего, ни к чему хорошему не приводит. Поэтому, мне думается, я делаю вид, что меня всё устраивает, хотя всё совершенно не так. Мне порой очень хочется высказаться, но такого человека, которому я смогла бы довериться, у меня нет! Я не умею доверять! И я совершенно не знаю, как найти того человека, которому я бы смогла довериться, если бы научилась это делать!

Хотя... Я всегда была уверена в том, что неподвластно нам только время. В остальном — мы сами себе творцы и со-зидатели, в наших руках и умах — вселенная возможностей.

Говорят, что человек силой мысли способен добиться недостижимого, например, может притягивать к себе желаемое. Вы о чём-то думаете, а мир вокруг вас уже меняется. Так вы упрощаете себе существование, создаёте себе собственный мир и даже собственную реальность. Но реальность – понятие относительное! Не всё, что кажется нам реальным, является таковым, особенно в восприятии стороннего наблюдателя. Если уж мыслить глобально, считают некоторые, то надо обязательно ставить под сомнение каждую секунду своего существования. Но разве это обо мне?! Все свои девятнадцать лет я думала, что моя жизнь совершенна, реальность происходящих событий, пусть и не захватывала дух, как иногда хотелось, но вполне была мне по вкусу своей размеренностью. Я считала, что всё в моих руках, я заранее знала, что будет завтра, и я была единственным полноправным владельцем своего прошлого, настоящего и будущего. И вдруг, что-то пошло не так! Увы, оказывается, невозможно прожить всю жизнь в придуманной собственной реальности, однажды ей придётся влиться в общий поток. И вот, когда мы стоим на распутье, когда собственные настоящие и потенциальные реальности, а также реальности других людей сталкиваются, то происходит что-то необъяснимое, что-то способное перевернуть наши жизни. Сложно сказать по какому пути пойдёт наша судьба, какой оборот примет происходящее, что именно станет реальным на данный момент. А если ты ко всему прочему ещё и теряешь кон-

троль над ситуацией, то жди непредвиденных и необратимых перемен. Именно так происходит со мной. Своими неподобающими мыслями и неадекватными действиями я перевоорачиваю свою жизнь с ног на голову, и куда меня это приведёт, возможно, кому и известно, но только не мне.

Глава 3.

В ожидании Новогодней ночи, которую я решаюсь провести всё в том же клубе, с возможностью заниматься своей относительно недавно возникшей маниакальной зависимостью, я наряжаю себя в белые атласные брюки и белый кружевной топ, стягиваю волосы в тугой хвост и делаю френч на ногтях. И вот из зеркала на меня смотрит толи обескрыленный ангел, толи неудавшаяся невеста, толи снежинка неправильных форм, но однозначно в своём отражении я не вижу девушки на пороге новогоднего празднества и рождественских чудес. Голубые глаза оценивают меня без видимого восхищения – чуть-чуть макияжа, чуть-чуть лака с блёсками на цвета шоколада волосах, чуть-чуть завивающийся хвост ложится длинными лёгкими прядями на плечо спереди и всё это совсем чуть-чуть нравится мне. Но ничего менять в своём образе я не намерена, сегодня мне, как и всё последнее время, хочется быть едва заметной. Хотя, когда я натягиваю чёрные велюровые сапоги-ботфорты, завершая свой образ целиком и полностью, я понимаю, что теперь едва ли не бросаюсь в глаза. А когда я прихожу в клуб, мой промах очеви-

ден и окружающим! Белое в этом заведении – это не незаметно, мой сегодняшний прикид буквально горланит во всю мощь: «Ау, я здесь! Посмотрите на меня все!!!» Не учесть главного – грубейшая ошибка с моей стороны или может я всё учла!? Может это циничный расчёт моего внутреннего я таким образом заявить о себе. Но вряд ли я признаю двойственность своей натуры. Утешает только то, что к полуночи в клуб прибывает много маскарадных снегурок и снежинок в белом, что немного расслабляет моё внутреннее напряжённое состояние дискомфорта.

И вот за столиком нас шестеро. Я, Лера и её парень Андрей, с которым у подруги, с её слов, всё ладится, а ещё здесь Оля и её брат Денис с девушкой Милой. На столе уже третья бутылка шампанского, настроение зашкаливает, ведь компания у нас получается весьма весёлая, учитывая, что некоторые из нас успели уже неплохо выпить дома. Сейчас на часах без десяти минут Новый год. Мы смеёмся, провозглашаем тосты, подтруниваем друг над другом и я уже почти забываю, зачем хожу в это логово. Я встаю и скидываю бокал ввысь, бормоча какое-то несуразное поздравление всех с наступающим. Лера восторженно кидается мне на шею с визгом: «Обожаю Новый год!» и в это время в зал вваливается компания «зверей». Возможно, я бы их и не заметила, но своё прибытие они отмечают таким громким гулом с улюлюканьем, что заглушают басы музыки. Конечно же в ту же секунду я забываю, что было до и полностью посвящаю

свой взгляд ему. Кареглазый, навскидку самый пока адекватный из всей этой своры, едва переступает танцпол, как начинает стрелять глазами, оценивая обстановку. Лерин визг как раз приходится в унисон их громогласным возгласам, и он впервые замечает меня или нас. Я краснею до пят и пытаюсь прикрыться Лерой, но тут происходит необъяснимое. Лерин парень Андрей начинает махать руками в сторону «зверей» и кареглазый отвечает ему неуверенным взмахом руки с оглядкой на своих друзей, будто пытается убедиться, что они не заметили его ответного приветствия. Я настораживаюсь, словно увидела брешь в непробиваемой броне самоуверенного типа и просто недвусмысленно начинаю пялиться с возможностью заметить большее то на знакомого моей подруги, то на кареглазого. А дальше я становлюсь свидетельницей того, как взгляд кареглазого опять устремляется на меня, и он ухмыляется так, как ухмылялся всем своим жертвам перед началом своей травли. Я недовольно фыркаю под нос и с вызовом отвожу взгляд в сторону, давая понять всем видом, что парень обманулся. В этом краю ему точно не обломится и в знак убедительности и подтверждения своей мимики у меня возникает желание ему ещё комбинацию из пальцев выкинуть. Но порыв эмоций благополучно сдержан!

Я перевожу взгляд на Андрея, а тот уже как ни в чём не бывало пьёт своё шампанское и больше не смотрит в сторону своего, так понимаю, знакомого. Интересно, насколько хорошо они знакомы? Этим вопросом я задаюсь оставшиеся

минуты окончания года, пока мы все стекаемся на танцпол к большому экрану и слушаем речь президента. Со «зверинной компанией» мы в противоположенных углах зала и это единственное, что я знаю, ведь даже не хочу смотреть в их сторону.

Начинается бой курантов, друг за другом взлетают пробки шампанского, и Андрей с Денисом наполняют нам бокалы. Все чокаются, пьют, загадывают желания и я машинально повторяю всё за всеми, а перед глазами у меня стоит недавний плотоядный взгляд карих глаз, с которым я и встречаю следующий год. Зал взрывается визгом и свистом, все орут как ополоумевшие, кидаются с объятиями друг на друга и сыплют поздравлениями. Лишь только в этой суе я решаюсь найти взглядом того, о ком думаю. Прорезывая словно лазером толпу целующихся и обжимающихся, я устремляю взгляд точно в «звериную орду» и немею, ведь карие глаза в ответ обжигают меня пристальным ухмыляющимся созерцанием. При соприкосновении наших взглядов его ухмылка становится ещё шире и после он гордо, как я десять минут назад, отводит своё внимание в сторону. Вот так заявка, вот так хлыщ! Я готова рвать и метать из-за этой надменности, но что-то внутри меня начинает сиять светом, и я невольно улыбаюсь сама себе.

Начинается громкая музыка, диджей орёт в микрофон поздравления и созывает всех открыть Новый год зажигательным танцем.

– Поздравляю тебя, подружка!– обнимает меня Лера, когда мы обратно садимся на свои места.

– И я тебя!– вскидываю я свой фужер.

Мы выпиваем и смеёмся над тем, что происходит на танц-поле. Появляются Дед Мороз со Снегуркой, и начинается хоровод вокруг ёлки. Со стороны это смотрится, словно убойно-пьяные дети-переростки неуклюже волокут друг друга по кругу, периодически пытаюсь выдрать из рук ближнего дары, выбрасываемые Дедом Морозом из мешка, как вдруг, в один момент, уже летят две шубы и перед нами открывается идеально загорелый и накаченный торс «дедушки» и упругие ягодицы «внучки». Опешивший народ на долю секунд теряется в происходящем, а когда приходит в себя, начинается настоящая вакханалия со стриптизом и танцами во главе с недавними сказочными персонажами, что некогда детьми мы считали неотъемлемыми атрибутами зимы. И вот даже весьма взрослый для проявления излишних эмоций Андрей заходится истерическим смехом, умудряясь опрокинуть стакан с минералкой на пол. Лера показывает на него, когда он пытается сделать невозмутимый вид, и из наших глаз от смеха льются слёзы, подружка носом тычется в моё плечо и трясётся как эпилептик. Нас точно незаметно всех курнули, и я не могу остановить свою волну смеха, когда Андрей приобретает в секунды состояние покоя и встаёт на ноги, протягивая вперёд правую руку мне за спину. Я оглядываюсь, смех как волной смывает, а я из ярко красного превращаюсь во

что-то пурпурное. За спиной кареглазый, который пожимая руку Андрею, тут же садится рядом со мной, будто это его законное место.

— Знакомьтесь, девчонки, это Паша — мой друг детства, ну а это моя дама — Лера и её подруга — Вика, — Андрей, кивая на всех поочерёдно, знакомит нас. Я бросаю косой взгляд на названного Пашу и кареглазого в одном лице (к этому его прозвищу я прям душой прикипела, какой там Паша!), а этот наглец мне подмигивает. Сердце в груди стучит отбойным молотком, ведь так близко я ещё рядом с ним ни разу не была. Я могу протянуть руку и коснуться его. Хотя зачем мне это надо? Ну манит меня в нём что-то! Ну красавец он отменный! Ну и что дальше? Позволять ему обходиться с собой, как он обходится со всеми своими жертвами?! Нет, здесь нам с ним не по пути. Чувство собственного достоинства у меня развито на все сто. Поэтому максимум, что грозит кареглазому, это посидеть рядом со своей надменностью, а дальше убраться восвояси. В эти секунды я как никогда чётко осознаю, что мне куда приятнее на расстоянии видеть его самого и его затейливые подкатывания. Вблизи же мне хочется вылить ведро помоев ему прямо на голову с этими его подмигиваниями и прочими красноречивыми взглядами.

— Не слишком ли он молод, для твоего друга детства? — вопрошаю я в сторону Андрея. Я слышу свой голос словно со стороны и его интонация не предвещает никаких успехов

в сторону вновь прибывшего.

– Два года разница не особо заметна, когда тебе десять!— отвечает мне парень подруги, когда кареглазый ставит свои локти на столик и ядовито взирает на меня из-под бровей. Приём так себе! Не впечатлило! Раз ...цать уже в его исполнении такое видела, только не в свой адрес.

– Хм, такая маленькая разница! С виду твой друг – мой ровесник!— я не знаю, что со мной. Конечно же кареглазый выглядит лет на двадцать пять, но мне хочется его побольней уколоть и сделать с этим я ничего не могу.

Кареглазый фыркает и с сарказмом заявляет:

– Не думал, что тяну на пятнадцатилетнего!

– Мне тринадцать, поэтому делай выводы!

Лера и Андрей, как один, смеются, а мы с новым знакомым уже зло сверлим друг друга глазами. О дальнейшем знакомстве не может быть и речи. Наконец парень понимает, что здесь ему всё-таки ничего не обломится и теперь всем видом пытается показать, что не очень-то и хотелось. Я бросаю ему негласный вызов, и, видимо, он решает его принять.

– Ты всегда такая дерзкая? Или критические дни не вовремя?

– Ты сел на место, которое занято!— я киваю на стул, игнорируя его провокационные вопросы.

– Кем? Твоим тринадцатилетним бойфрендом-сосунком? – колко наклоняется он ко мне ближе.

– Пах, прекращай! Лучше расскажи, как жизнь? Давно

тебя не видел, зато слышал много!— Андрей старается быть дружелюбным, а кареглазый самодовольно сосредотачивает на нём свой взгляд. Мне кажется или кое-кто уже здесь подзадержался! Я оглядываю взглядом зал клуба и понимаю, что «звериная шобла» куда-то делась. Думаю, именно их отбытие и послужило поводом кареглазому подойти к нашему столику. Будь его друзья здесь, что-то мне подсказывает, к Андрею он бы ни ногой. Я ухмыляюсь и встаю со стула, мой сосед поднимает на меня взгляд и настороженно смотрит на то, что я собираюсь сделать с этим своим выражением на лице.

— Пойду, проветрюсь!— фыркаю я, показывая всем видом, что не заинтересована общением с вновь прибывшим и меня совершенно не интересует его жизнь и где он там пропадал! Лично я его вижу с завидной периодичностью, будь он неладен и я вместе с ним!

Лера довольная вскакивает следом.

— Я с тобой! Мы быстро,— подмигивает она Андрею, на что я закатываю глаза, а кареглазый расплывается в улыбке.

— Передавай привет своему мальчику!

— А ты своим одноразовым подругам!— лаконично заключаю я, а он вздёргивает бровями. До парня окончательно доходит, что я в курсе его увлечений и не собираюсь становиться тысячной в том списке. Пусть даже он и доходит до этого заключения путём догадки, что я за ним уже давно присматривала. Обольщаться особо я бы ему не советовала. Как бы

меня к нему не тянуло, вытереть об себя ноги я не позволю. А именно это он и собирался сделать со мной сегодня. Пусть убирается, я пас!

Мы с Лерой уходим, и я механически двигаюсь в сторону женской комнаты, хотя мне туда и не надо. Когда мы заходим туда, я, чтобы отвлечься от дум об оставшемся за нашим столиком, решаю подкрасить губы и привести в порядок слегка растрепавшиеся в хвосте волосы. Лера, ненадолго отлучившись по своим делам, возвращается и становится рядом. Сначала она просто смотрит на меня, а потом решает заняться тем же в придачу с нравоучениями:

– Вик, а он на тебя глаз точно положил!

– Рада за него! – сухо отвечаю я. Это не тема для разговора, поэтому я хочу побыстрее обрубить интерес Леры раздуть из мухи слона. Но всё не так просто.

– Да ты что? Ты посмотри, какой лапочка!

Я прыскаю:

– Лапочки мне не по вкусу. – Как хорошо, что наши внутренние чувства и эмоции не отражаются бегущей строкой на нашем лбу, иначе мне бы не поздоровилось.

– Ну ты даёшь! Если бы не Андрей, я бы точно теряться не стала. Скажу тебе по секрету, я уже давно к этому Паше приглядывалась. Посмотри, как одевается, а улыбка, а...

– Прекрати, Лер! Я уже своё слово сказала.

Лера потрясённо на меня посмотрела, но настаивать не стала, слишком грубо звучал мой голос. Мы вышли в фойе,

потоптались там немного и пошли обратно. Я очень надеялась, что новый знакомый уже покинул наш столик.

Сзади послышался чей-то чавкающий ржач, и я увидела идущих за нами следом «зверей». Пятеро неадекватных парней, различных по своим внешним данным, но точно одинаково отмороженные на голову, они возвращались в зал. Видимо, курить выходили. Я ещё раз кинула на них взгляд и заметила то, на что раньше не обращала внимания – на запястьях чернела татуировка паутины. По крайней мере, тату было у тех, кто с короткими рукавами. Но что-то мне подсказывало, что другие – такие же меченые. А что насчёт Павла?

Мы с Лерой зашли в зал и поплыли мимо столиков к своему. К моему огорчению кареглазый был ещё там и о чём-то мирно беседовал с Андреем. Мне стало весьма весело (почему? – на этот вопрос я боялась себе ответить), поэтому я решила вернуть этому наглому типу должок. Склонившись к его уху со спины, я с вызовом ему начала чеканить:

– Тебе пора сваливать, твои клеймёные дружки-бычки спешат заполнить танцпол. Будут искать отбившегося от племенного стада, а ты – здесь! Ух, мурашки по коже!

Паша даже не повернулся в мою сторону и не оглянулся убедиться в правдивости моих слов, лишь улыбка скользнула от уха до уха. Одним ловким движением из-за спины он перехватил мою руку на его стуле и с силой усадил меня на моё место. Лера и Андрей всё это время внимательно за нами наблюдали, едва заметное изумление коснулось их лица,

но они предпочли заняться друг другом. Паша повернулся всем корпусом ко мне и оценивающе окинул с ног до головы.

– Ты нарываешься, девочка!

– Ты достиг желаемого эффекта, мне страшно! Можешь быть свободным! – жестом руки сопровождала я ему сказанное.

– Спасибо, что разрешила! Скучать-то не будешь?

– По тебе? Да ты посмотри на себя! По чему здесь скучать? Зажравшиеся самовлюблённые кобели, – я резко отдернула манжет его рубашки и, наконец, удовлетворила своё любопытство, убедившись в идентичности тату паутины с его дружками, продолжила, – заклеймённые неведомыми узлами сектантства с явной патологией – не в моём вкусе. Да и что таить, я слишком хороша для тебя, мальчик! Подрасти и то маловероятно!

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты неоправданно заносчивая особа? – вздёрнул он брови.

– В зеркало давно смотрелся, – я отвела от него взгляд и пригубила шампанского.

Наши испепеляющие с Пашей взгляды и слова, направленные на выведение собеседника из равновесия, всё-таки не смогли остаться игнорируемыми сидевшими рядом Андреем и Лерой, как бы они и не пытались нас не замечать. Слишком открыто мы демонстрировали свою внезапно возникшую неприязнь в отношении друг друга и свободно без тени лукавства заявляли об этом. Лицемерить ни один из нас

не собирался и если мне причина моего негатива была давно понятна, то Паша просто в отместку платил мне той же монетой, хотя по сути, видимо, сам не понимал, с чего это я на него так взъелась. Теперь же, учитывая нашу обоюдную бесцеремонность, у любого несведущего человека могло сложиться мнение, что мы друг друга давно знаем, раз уж так открыто демонстрируем неприязнь. У нормальных и адекватных людей, такое не могло возникнуть в первые минуты знакомства. Увы, ни себя, ни тем более его к адекватным я не относила, к тому же мне уже самой казалось, что этого кареглазого пройдоху я знаю достаточно давно.

– Вы знакомы?– настороженно решился задаться вопросом Андрей.

– Уже, к сожалению, да!– фыркнула я.– Не без твоего участия. Прости, Андрей.

– Ясно. Тогда сделаю тебе ещё хуже,– он встал и поднял за собой Леру.– Мы уходим, а вам счастливого дальнейшего знакомства. Ваш диалог тяжело переносить людям со слабым сердцем и это я про себя. А про вас – если друг друга не убьёте, гляди, что получится. Будете потом меня добрым словом вспоминать. Рад был повидаться, Паш. Пока, Вик.

Парни пожали друг другу руки, и Андрей удалился вместе с моей подругой, а я осталась в обществе кареглазого. Я обречённо прикрыла глаза, в немой полунадежде, что когда их открою, он исчезнет, в том числе из моей жизни и головы. Но чуда не произошло! Он лишь отвернулся обратно к сто-

лику, покрутил в руках свой телефон и громко вздохнул. Я покосилась на него, и он посмотрел на меня. Губы его слегка дрогнули в снисходительной улыбке, но он серьёзно выпалил:

– Девицами вроде тебя я не интересуюсь! Вас долго запрягать, а покататься всё равно вряд ли удастся.

– Дошло на пятые сутки!– выдохнула я и ухмыльнулась. Прямо одолжение сделал, что решил капитулировать. Точнее он преподнёс всё так, что это я к нему тут присоседилась и сижу умоляю провести со мной ночь, а он такой: «Простите, но вы не в моём вкусе». От злости я едва задышаться не начала. Это же надо так умело выворачивать всё в свою сторону. Он прямо изнутри сиял своим превосходством над целым миром. И, простите, он что сейчас некоторых из женщин уподобил лошадям? Вот негодяй! Высокомерное заявление у меня выскочило само собой. – Видно оснастка не та. Не по зубам...

– Это вызов!– встрепенулся он, очередной раз обескураженный моей наглостью и самоуверенностью. Интересно, какого это, когда в собеседнике ты чувствуешь собственную надменность, когда ведёшь разговор с себе подобным. Хотя вряд ли он сейчас сопоставлял себя со мной. Чувство собственного превосходства Паша в себе укоренил как индивид и пользовался им автономно. Мне лучше самоустраниться, иначе в ближайшую минуту парень решит, что я с ним заигрываю и возомнит из себя не весь знает кого. А выше только

космос!

– Боже упаси! С твоими навыками разбираться в людях, мне не потягаться. Ты читаешь всех как раскрытую книгу.

– Ясно, это всё – сарказм! Чёрствый юмор, направленный на унижение собеседника с подчёркиванием его собственной ничтожности.

– Ты считаешь?– Наш диалог набирал обороты, вот только смысловая нагрузка в нём отсутствовала.

– Некоторые игры опасны для жизни и здоровья.

– Мне кажется, или я слышу в твоей интонации опять угрозу,– настораживаюсь я.

– Ничуть. Просто не всем могут прийтись по вкусу твои остроумные реплики!– заключает он и я ощущаю себя дуэлянтом, которому, чтобы выжить, приходится наносить удар за ударом.

– Заботаешься?

– О тебе? Нет смысла, мне это просто ни к чему.

– Откровенно. Не стоит тогда тратить своё драгоценное время на просиживание здесь возле меня. Займись привычным для себя делом. – Я поморщилась от воспоминаний.

– Каким?– вздёрнул он бровями, будто не догадался.

– Ты знаешь.

– Гонишь?

– Нет, возвращаю на круги своя.

– Не суди и не судима будешь!– тыкает он в моём направлении сотовым.– Ну, а если уж взялась, то не стоит это де-

лать по обложке, будь объективней!

– Полу-мудрец, полу-невежда, полу-подлец, но есть надежда, что будет полным наконец!– с сарказмом выдыхаю ему в лицо я и встаю.– Извини, мне надо снова отойти. Счастливого вечера и удачного улова. Не стану лицемерить словами: «Буду рада поговорить в другой раз! До встречи».

Мы чеканили друг другу отпоры без передышки и теперь мне нужно было самой прервать это пустое словоизвержение.

– Да уж, не стоит обнадёживать. Хотя я лукавлю. Не буду скрывать: «Приятно провести с тобой время» – вряд ли ты когда-то услышишь такое в свой адрес от меня.

– Замечательно, что у нас всё обоюдно. Прощай.

Я удаляюсь от столика и ухожу сразу из клуба. Что уношу я собой? Кажется, кроме нелепого диалога ничего, но это не так. Я забираю с собой воспоминания о том, что имя карглазого – Павел и теперь это имя мой личный дефибрилятор для сердца. Я помню баритон его голоса, который теперь уверенно звучит в моём сознании наравне с собственным внутренним голосом. Я запоминаю взгляд в упор этих пронзительным тёплых глаз со всей их внутренней надменностью и спесивостью, но кажется их высокомерие мне роднее собственного отражения в зеркале. Мои рецепторы точно воспроизводят запах его цитрусовой туалетной воды (явно не дешёвой) и от этого тут же начинает кружиться голова. А память о секундных прикосновениях его руки к моей

и моей к его, напрочь выбивают из колеи и заставляют тело покрываться мурашками блаженства. Моё новое знакомство теперь полностью лишит меня спокойствия. Минуты засыпания станут длиннее, а сны в отношении некоторых личностей ещё желаннее.

Глава 4.

– Мещерин! – очередной раз кричит басистый мужской голос за моей спиной, и я машинально оборачиваюсь посмотреть, кого так убойно зазывают на весь этаж университета. Но вижу только совсем незнакомый мне источник крика, к кому тот обращается в идущей толпе студентов – так точно и не ответить. – Да остановись ты, наконец!

Толпа проходит мимо меня, а из толпы выходит в сторону парень. Кареглазый! Судьба ещё не устала нас сталкивать нос к носу? В этом универе кроме меня и этого парня ещё кто-нибудь учится? Пока я сама с собой неистовствую, некое подобие клубного Паши стоит передо мной и даже глазом не ведёт. Когда его догоняет тот, кто так хотел его остановить, между парнями завязывается оживлённый разговор и они начинают движение мимо меня. Поравнявшись, кареглазый бросает на меня мимолётный взгляд и даже не удосуживается сделать вид, что мы знакомы. Это ж надо быть таким невежей!

И вот, сколько бы я себя не укоряла за своё излишнее внимание к персоне Павла, я всё равно как вкопанная таращусь

на него, а точнее ему вслед. Я ловлю себя на мысли, что покачиваю головой в ритм его шагов. Флип флап позавидовал бы моему напорству в точности передачи шаг-кивок и всё это под воздействием исключительно одного человека. Благо я вскоре осознаю ненормальность происходящего со мной и тут же начинаю оглядываться по сторонам из-за опасения быть кем-то уличённой в своей сумасшедшей мании. Кроме пары ржущих парней старшекурсников, моё поведение никого не волнует, хотя и старшекурсники вряд ли гогочут в мою честь. Но желание у меня возникает всё равно одно – остановите землю, я здесь сойду.

Быстро приходя в движение, я мчусь в очередную аудиторию, а в голове стучит одна и та же мысль. Походка. Походка кареглазого разительно отличается от клубной. Сегодня он шаркал ногами, при этом одна нога, создавалось впечатление, шаркала ровно, а вторая словно совершала боковые загребательные движения в отношении первой. А в клубе я видела уверенную ровную поступь...

Захотелось заорать во весь голос. Моя маразматичная голова меня уже окончательно двинула по фазе. Ещё немного и я сама себя определяю на лечение. Думаю, психотерапевт и психолог будут очень рады нашей встрече и тогда, в лице последнего, я найду человека, готового выслушать все мои сомнения, касательные персоны кареглазого. Я смогу с чувством, с толком, с расстановкой изложить свои опасения относительно сверхъестественных перевоплощений Паши и,

наконец, получу неоспоримый диагноз профессионала о своём явном психическом расстройстве. Однако даже не прибегая к помощи специалиста, мне уже давно всё ясно – у меня помешательство. Определённое помешательство, ведь в ближайшую субботу я тащусь в клуб, абы ещё раз увидеть короля перевоплощений. А прежде я зайду в парфюмерный магазин, найду воду, которой он пользуется и нанюхаюсь ей до тошноты душевной.

Сегодня я за стойкой бара, хуже того – сегодня я здесь одна, без девчонок. Моя компания сегодня – бокал ликёра Бейлис. «Звериная стая» уже на месте, но одного ценного экспоната она сегодня лишена и им оказывается Паша. Для меня это разочарование жизни! Причина ясна как день! Сидя в клубе, я уже не задаю себе вопрос, зачем я здесь. Я здесь теперь только из-за него, мне просто необходимо его увидеть (не спрашивайте почему – я сама не хочу знать ответ на этот вопрос). Я как наркоша в поисках дозы. Я проживаю неделю с целью встретить Пашу в клубе, ведь, видите ли, Паша в универе – мне совсем не по духу.

– Кого-то ждём?

Я поворачиваюсь в сторону голоса и вижу мужика лет 35, назвать его парнем – язык бы отсох. Я оглядываюсь по сторонам, неуверенная, что обращался он ко мне. Но мужик отчётливо цедит:

– Это я к вам, девушка в синей блузке, обратился.

Очень «мило» с его стороны было сакцентировать своё внимание на одной из частей моей одежды. За отдельным столиком определённо больше преимуществ, там хотя бы никто не пытается познакомиться. Эта мысль меня посещает запоздало. Барная зона сориентирована на совершенно противоположенное – девушки при баре прямо располагают к знакомству и кричат всем своим видом, чтобы на них обратили внимание. Но я думала, моё лицо, точнее его выражение, когда я захочу, являют собой только отталкивающее действие. Либо я ошиблась, либо мужик слепой. Я одариваю его пренебрежительным взглядом и отворачиваюсь обратно, но его это не останавливает:

– У тебя скучающий вид, да и сам я на грани срыва. Может пропустим по бокальчику, я заказываю.

Я не верю своим ушам. Неужели этому мужлану я напоминаю доступную девицу, которой достаточно заказать выпить и я буду вся в его распоряжении. Внутри закипает злость, но еле сдерживаясь, я, не смотря в его сторону, парирую:

– Я в состоянии сама заплатить за свою выпивку и в собеседниках не нуждаюсь.

– Я постараюсь сильно не напрягать, – заявляет мужик и придвигается ко мне ближе. Я, поражённая такой наглостью, поворачиваюсь в его сторону, чтобы показать всё своё недовольство, но вместо этого замечаю, как проходит мимо Паша. Меня он, естественно, даже взглядом не выделяет. Я очередной раз разъясняю своему внутреннему «я», что после

того, как я его грубо отшила, мне другого ожидать не приходится. Однако внутреннее «я» всё равно обижается на что-то и я завожусь от злости окончательно. А хлыщ сбоку ещё и неустанно мне тыкает, будто мы с ним в одной деревне выросли и вместе гусей пасли. Я сейчас кому-то башку оторву.

– Дистанцию, молодой человек, соблюдайте!– рычу я в его бесцветные глаза и двигаюсь на дальний от него край собственного стула. Стоит заметить, что молодым он был во времена моего младенчества. Считаю, я ему польстила.

– Что ты от меня так шарахаешься, я не кусаюсь.

Я тупо молчу и его игнорирую. Может, тогда он поймёт, что безразличен мне. Мне сейчас незаметно понаблюдать бы за Пашей.

– Эй, бармен!– кричит мой сосед, и парень за стойкой идёт в нашу сторону.– Нам с девушкой по бокалу шампанского.

Мои глаза увеличиваются, и я сквозь зубы громко цежу:

– Я вроде ясно объяснила, что не намерена с вами пить!

– Но я не теряю надежды, вдруг передумаешь,– подмигивает он мне и меня переворачивает от отвращения. Похоже, этот индюк так просто не отвяжется, а бармен, как назло, уже исполняет его заказ. Руки мои сжимаются в кулаки, ногти больно впиваются в ладони, но что я могу – заорать? Выход только один – встать и уйти, а где гарантия, что этот липучка не увяжется следом. В бессильной злости моё лицо начинает наливаться краской и я чувствую собственный жар.

– Здорово, Игорь!– влезает между мной и мужиком тот,

кого я уже и не мечтала увидеть рядом. Часто моргая ресницами, я кошусь на Пашу в желании расцеловать спасителя. Но он будто не видит меня, обращаясь исключительно к бармену.— Исполнишь предыдущий заказ, прими мой — бокал виски.

Пока неудавшийся новый знакомый пытается достучаться до Павла, что тот влез типа не к месту, кареглазый, наконец, поворачивается в упор ко мне и улыбается:

— Привет, злючка. Этот что и есть твой парень?

— Глаза протри! Ему тринадцать в прошлой жизни было!— брезгливо фыркаю я, при этом стараясь всем своим видом показать, что нуждаюсь в спасении от этого наглого типа.

Паша смеётся так, словно никогда в жизни ничего смешнее не слышал, но в это время мужик дёргает его за плечо:

— Слышь, парень, ты влез не на своё место в наш разговор.

Глаза Паши стекленеют, он с нескрываемой злостью резко поворачивается в сторону нравоучителя, что тот произвольно слегка отшатывается. В это время бармен перед носом навязчивого мужика ставит бокалы с шампанским и переводит взгляд на кареглазого.

— Пах, только не здесь!— пытается предотвратить бармен то, что видно заранее ему известно.

— Без паники, Игорёк! Мы болтаем!— уже ухмыляется Паша и обращает обратно испепеляющий взгляд на моего нового навязчивого знакомого.— Ты что и правда собираешься угостить её шампанским?

Его сарказм настолько явный, что мужик в замешательстве лупится на бокалы с золотой искрящейся жидкостью, ища подвох. Паша продолжает дальше, чтоб тот недолго мучился:

– На ней одеты дизайнерские шмотки, где только блуза стоит дороже всего твоего прикида, в её фужере Бейлис, что стоит в единичном экземпляре в несколько раз больше твоей двойной дозы заказанной бормотухи, тем более ты решаешься понизить её градус, когда нужно повышать. В твоём возрасте, парень, это просто наигрубейшие ошибки при подкатывании, тем более с замыслом развести на большее.

Мои брови ползут вверх ещё в момент упоминания моей блузы, которая сегодня явно пользуется спросом у мужского населения. Тем временем мужик вопрошающе смотрит на Павла.

– Исчезни, сопляк! Не попутал, кого учить собрался!

Паша встрепенулся и было дернулся явно не в добрых целях в сторону мужика, но резко опомнился и замер. После он слегка наклоняется к тому ближе и я в любопытстве, чтобы быть в теме сказанного, придвигаюсь к Паше сзади, когда тот шепчет:

– Слышь, придурок, если не отвалишь от неё, тебе сегодня отсюда ноги подобру-поздорову не унести. Лучше топай прям сейчас домой к своей жене, ведь след от недавно снятого обручального кольца, это вряд ли следствие наконец свершившегося бракоразводного процесса. А если всё и правда

настолько запущено, сними себе шлюху, ведь здесь тебе ничего не светит.

— Чего ты сказал, говнюк?

— Я сказал — убирайся вон, козлина, как тебе и предлагала сделать эта девушка только более лояльно. Я тебе, урод, такого благополучного отбытия не гарантирую. Ещё одно твоё слово и разница в возрасте тебе не поможет.

Воцарила недолгая пауза между нами тремя, когда мы с Пашей ждали реакции мужика, а мужик усиленно думал, как ему поступить. Я понимаю, он оценивал весомость слов Павла, ведь тот был на десятку лет младше и при этом смел открыто грубить незнакомцу. Вот незнакомец и решал — устроить наглецу встряску за невежество или унести ноги, ведь угрозы паршивца казались весьма убедительными. Паша и правда сейчас выглядел отмороженным на всю голову беспрдельщиком.

— Мы с тобой ещё встретимся, щенок, — злобно выдал мужик, встал и отправился к выходу.

— Несомненно! — ухмыльнулся мой спаситель.

Пока Паша провожал его взглядом, я переваривала увиденное и услышанное. А ведь у мужика действительно был след на безымянном пальце правой руки от кольца, надо отдать должное наблюдательности Павла. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что происходит и во что я вляпалась. А я ещё считала себя разбирающейся в людях! К тому же я самонадеянно полагала, что могу дать достойный отпор лю-

бому, кто мне придётся не по вкусу. И вот в минуту моей беспомощности мне помог тот, от кого помощь я приняла бы в самый крайний случай. Похоже это был тот самый случай и мне оставалось лишь немо удивляться, как так Паша наехал на мужика, что я даже в слове его не усомнилась и мужик, поразмыслив, видимо, тоже. Что-то во внешности и взгляде Павла действительно заставляло бояться. Тем временем Паша протянул руку к волшебным образом появившемуся бокалу виски, отхлебнул из него и покосился на меня. Я покраснела и проямлила:

– Спасибо.

– Не стоит благодарности. Для тринадцатилетнего сопляка он действительно был слишком назойлив, лишь из этих соображений я вмешался. Надеюсь, не разрушил твоих планов на ночь, пока твой настоящий бойфренд отсиживается в кустах вместо того, чтобы присматривать за тобой.

– У меня нет бойфренда!– Спокойно проронила я.

До этого времени приговаривая себе под нос, сейчас Паша наконец-то соизволил посмотреть на меня оценивающе. Карие глаза из-под низких чёрных бровей метнули молнией лукавства. Губы вытянулись линейкой, и он с жаром выдохнул:

– Да уж! С таким паршивым характером, это и неудивительно!

Он опять отвернулся и уставился на свой бокал, но улыбка во всё лицо обнажила его белоснежные ровные зубы, а

ямочки на щеках сделали из него озорного мальчишку. Я не смогла не улыбнуться в ответ и тоже уставилась на свой бокал. Без лишних слов стало понятно, что он почему-то старается не привлекать внимание окружающих к тому, что мы общаемся. Благо большинство посетителей этого клуба интересовали они сами, а меньшинство – уже были не в состоянии интересоваться в общем чем или кем-либо.

– Не злорадствуй!– шикнула я.– Зато мне не грозит отбросить копыта из-за какой-нибудь ВИЧ-инфекции, в отличие от некоторых.

– То есть случайные связи – это не твой конёк?

– Представляешь?! Вот это открытие ты для себя сегодня сделал.

– Сдохнешь старой девой.

Боже, да что у меня на лбу эта фраза выклеимена. Почему все так переживают за мою интимную жизнь? Я перевожу дыхание, пытаюсь не вспылить и в оборону выбираю одну из самых своих обаятельных и одновременно снисходительных улыбок.

– Можно подумать! – ирония так и веет в моём голосе.– Пока есть такие, как ты, у меня будет последняя надежда.

– О-о-о, у меня появляется шанс!

– Только не у тебя!– обрубаю резко я.

– Да что я тебе плохого сделал, что ты так меня ненавидишь?– Паша бросает непонимающий взгляд в мою сторону и усаживается на барный стул моего несостоявшегося знако-

мого.

– Скажем, ничего хорошего! Даже твоя манера игнорирования меня в универе, кажется мне весьма грубой, не смотря на наше непродолжительное и весьма нелюбезное, но всё же какое-никакое знакомство.

– Где?– прыснул он так, что я ощутила себя душой, сморозившей чушь.

– В медакадемии, Павел Мещерин!– настороженно прочеканила я.

– Так ты будущий медик?– опять прыснул он.

– Нет, блин, я там уборщицей подрабатываю, видимо, поэтому, натываясь на меня, ты делаешь вид, что мы не знакомы.

Паша засмеялся и жестом предложил мне выпить из своего собственного бокала. Я отрицательно покачала головой и просто изумлённо уставилась, когда он выдал следующую фразу:

– Это не я.

– Отражение из зеркала взяло моду разгуливать по городу?– сгримасничала я, а он радостно покрутил по сторонам головой, видимо, проверяя, где обосновались его дружки. Очевидно оставшись довольным дистанцией между ними, он впялил блеск своих тёплых глаз в меня.

– Представляешь, у некоторых людей есть близнецы!

– Ну конечно!– с иронией в голосе закатила глаза я, но Паша ещё шире заулыбался и я обмерла. Вот я тугодум! Даль-

ше я стала мыслить вслух.— Брат-близнец. Точно. Это ведь всё объясняет. Как же я сама не догадалась! Близнецы.

— Прости, а всё объясняет — это что конкретно?

— То, что он не знает меня, соответственно не здоровается.

Но прежде всего то, что меня удивляло больше всего на свете — у вас совершенно разные манеры, одежда, поведение, даже смотрите вы на окружающих по-разному.

— И что тебе ближе?— Выронил себе под нос Паша, но в это время раздался крик со спины.

— Вот ты где! — огромная лапа однажды уже мной замеченного бритоголового здорового кабана из «звериной компании» легла на плечо моего соседа.— Пахан, давай, рулим! Потасовочка наметилась.

В ту же секунду со спины на Пашу навалилась вся его оставшаяся клеймённая свора «зверей» и мой собеседник сразу сделал вид, что со мной не знаком, погружаясь в общение с прибывшими. Еле проталкиваясь мимо всего этого действия и стараясь выбраться незамеченной для этих животных, я сразу решаю покинуть клуб. Где-то в глубине своего «я», я понимала, что Паша, если не удалится с парнями, сразу перейдёт к своему излюбленному плану «А», а видеть его уходящим с какой-нибудь фифой для меня теперь было непозволительной роскошью. Да и вся его методика развода уже действовала мне на нервы.

Глава 5.

Моя неделя полна скуки. Особенно теперь. Если раньше я разнообразила свою жизнь походами по магазинам – если не купить, то просто посмотреть – то теперь мне не надо и этого. Я в постоянных думах о человеке, который меньше всего нуждается в том, чтобы кто-то о нём думал. Я затворником сижу дома, смотрю бестолковые фильмы, листаю глянцевого журналы мод, от которых совсем недавно получала неземное удовольствие, а теперь не испытываю ровным счётом ничего. Мне всё безразлично в этом мире, кроме вечера субботы, когда я отправлюсь в клуб и увижу Его. Я всегда себя ловлю на этой мысли и иногда мне кажется, что других мыслей в моей голове нет. Единственное, на что реагирует адекватно мой мозг – это занятия в универе и здесь я вроде не летаю в облаках. Опасения вылететь я пока не вижу. Хотя в чём-то у меня полная ответственность и я исправно учусь. Но в любое другое неучебное время... Это крах моей жизни и жизненных устоев.

Когда неделя подходит к концу, моё сердце начинает ритмично биться в груди в попытке вырваться наружу. Я в предвкушении выходного дня. Что я там собственно предвкушаю, пожалуй, я затруднюсь ответить, но что-то в глубине души теплится надеждой. Я даже на многое и не надеюсь, мне достаточно будет просто его увидеть, возможно, даже перекинуться несколькими колкими словами, а потом незамедлительно уйти, чтобы не стать свидетелем чего-то нежеланного. Я удивляюсь себе и продолжаю жить возможной

встречей с Пашей.

Я стала меньше видеть в универе брата Паши, ведь знаю теперь, что тот не Паша, поэтому он меня совсем не интересуется и отныне я не ищу его в каждом встречном. Дело не только в том, что судьба нас сталкивала, больше всё упиралось в то, что я искала кареглазого в лицах прохожих, искала с ним встреч. Теперь же я точно знаю, что это не тот самый кареглазый, это совсем другой человек, слегка похожий на Павла. Возможно, брат-близнец проходит мимо, а я его не замечаю, ведь знаю, Паши здесь ну никак оказаться не может. А другие словно и не заслуживают моего внимания. В принципе, где-то в глубине души, я считаю, что и сам Паша не заслуживает моего внимания. Но раз уж кто-то свыше решил иначе или мой рассудок тому виной, я подчинюсь этому нездравомыслящему голосу.

Иногда у меня возникает желание открутить себе голову, ведь свои мысли я не могу заглушить ни на секунду. Даже громкие басы клубной музыки не справляются с моим безумием. У меня переклин, у меня патология и знай об этом моя жертва, он бы держался подальше от маньяка, живущего во мне. Но он даже не догадывается, а я не теряю надежды излечиться раньше, чем всё станет достоянием общественности. В борьбе все средства хороши и я честно стараюсь. Я выхожу на танцпол и пытаюсь отвлечь себя хотя бы танцем, ведь смотреть на вход – у меня уже на глазах мозоли. Я погружаюсь в ритмичные движения своего тела, забываюсь на

какое-то мгновение, но это только мгновение. Я нахожусь в режиме ожидания, ведь его ещё нет в клубе, а когда он со своими дружками наконец появляется здесь, я нахожусь в полном отчаянии и ноги гудят от усталости. Я уже было потеряла надежду и в тот самый момент, когда Паша рисуется на горизонте, я понимаю, что лучше бы я её действительно потеряла и ушла отсюда заблаговременно, ведь дальнейшее мне как ножом под рёбра. Пока кареглазый добирается до барной стойки, а без неё никуда, он оказывается расцелованным кучей девиц, да и сам он им в этом не уступает. У него это в норме, избыточное внимание в свой адрес он воспринимает как должное, но сегодня, видимо, его биополе особенно намагничено и Пашу чуть ли не облизывают все дамы клуба разом. Тошнота подступает прямо к моему горлу – я чувствую себя участницей этого действия. Нет, это невыносимо, это выше моих сил. С этим надо что-то делать, а точнее – нужно заканчивать ходить в это место в надежде встретить его.

Я, будучи разъярённой, пересекаю клуб и очередной раз ругаю саму себя. Сколько можно насиловать мозг тем, что собой представляет кареглазый. Он мне никто, даже знакомым его язык не поворачивается назвать, но что-то внутри глохнет и расщепляет меня на куски. Сказать, что мне неприятно, как очередная девушка с ним сейчас лобызается у барной стойки, это не сказать ничего. Чувствую себя паршивой овцой загнанной в угол. Если я не самоуничтожусь, меня за-

бьёт кареглазый мясник.

Я выхожу... Нет, я вытекаю на ватных ногах с танцпола в фойе и направляюсь в сторону гардеробной. Я медленно плыву по помещению клуба и, мне кажется, что это продолжается вечность. Мой мир сейчас в тумане и мне в эту минуту, как никогда, не помешала бы какая-нибудь встряска. Проскальзывает желание нахлопать себя по щекам или ещё более действенно – удариться головой об стену.

– Уже уходишь! – меня сзади кто-то резко обгоняет и подсекает. Перед глазами появляется чересчур напыщенный Паша.

– Да, уже ухожу, – киваю я и иду дальше, а он не отстаёт и идёт рядом. Я стараюсь быть невозмутимой. Я надеваю на себя маску безразличия. Я.. Я... Я трепещу внутри от его присутствия. Мне льстит, что он пошёл за мной следом. Но я всё равно держу себя в руках. Я просто обязана не подавать вида, что заиклена на нём уже несколько месяцев. Я перевожу на него холодный взгляд. – Ты что, следишь за мной?

– Присматриваю, так правильней. Пойдём, покурим.

– Не курю.

– Да ты просто образец для подражания! Никаких беспорядочных связей и никаких сигарет. Ну а за компанию постоишь?

Я останавливаюсь недалеко у гардероба и ищу в клатче номерок. Паша останавливается напротив и следит за моими действиями. Я тихо бормочу, сама неуверенная в произ-

несённом:

— За компанию с тобой могут постоять твои многочисленные друзья и толпа поклонниц. Прости, но ни к тем, ни к другим я не отношусь. Паш, прошлая суббота ничего не поменяла, я не собираюсь становиться одной из! Я не вариант, не трать понапрасну время и иди склей другую.

— Я уже давно всё уяснил, мисс недотрога. Я без всяких задних мыслей тебя просто попросил составить мне ненадолго компанию. Ты всё равно уходишь, что тебе стоит постоять пять минут на улице со мной.

Я наконец отыскиваю номерок и смотрю снизу вверх на Пашу. Он в тёмно-синих джинсах и белой обтягивающей футболке, наряд точно не из дешёвых, но слишком обыден и простоват для него. Но даже в этом он не теряет сексуальности, а лишь приобретает. Мне сложно оторвать взгляд от его складно сложенного тела, но я пытаюсь. Я пытаюсь непринуждённо вести беседу.

— Нам придётся торчать у чёрного выхода, чтобы не загореться перед твоими друзьями?— делаю предположение я, зная его любовь к шифрованию.

— А ты шаришь!— подмигивает он, и я иду за норковым полушубком.

Мы выходим на улицу и заходим за угол клуба. Здесь нет нормального освещения, и тем самым мы находимся в невидимой для окружающих зоне. Хотя не думаю, что наш совместный выход гуськом, уж никому не бросился в глаза. Па-

ша закуривает, и мы оба смотрим кто куда, пытаюсь дать привыкнуть глазам к темноте. Я не знаю, как завязать разговор, с чего начать, а когда решаюсь, мне приходит только одна тема для разговора и я негромко спрашиваю:

– Итак, твои друзья запрещают тебе всяческое общение с людьми?

– Я не люблю проигрывать! Если кто-то запалит, что ты меня отшила, это будет позор. Не потерплю подначек, что теряю хватку и баба мне дала от ворот поворот!– ехидно выдыхает он вместе с сигаретным дымом.

– И поэтому ты решил...– я уже хочу добавить «довести дело до конца и всё же попытаться меня уболтать», но Паша раньше понимает, к чему я веду, и перебивает после нескольких слов:

– И поэтому я решил, что просто хочу поболтать с тобой без свидетелей. Может же такое быть, что мне интересно общаться с кем-то, кроме своих постоянных друзей и не виноват же я, что этим кем-то является особь женского пола, с которыми все мои отношения в обыденной жизни сводятся исключительно только к сексу.

– Ты мне польстил или оскорбил сейчас?

Паша смеётся, и я уже отчётливо вижу, помимо тлеющей сигареты, его тёмные глаза, смотрящие на меня. Мой вопрос он оставляет нетронутым, поэтому я закономерно решаю задать следующий.

– Хорошо. Тогда твоя шифровка с Андреем, это что? Он

мужского пола!

– Это уже другая история, которую весьма сложно объяснить и тем более понять!

– Ты просто будь собой – и мир станет проще, а я постараюсь понять.

– Не сегодня. Тем более на прошлой неделе меня отвлекли прежде, чем ты успела ответить мне на мой вопрос.

– Тебе это так важно?– сразу поняла я про что он. Я удивлённо вздёрнула брови.– Важно настолько, что ты догнал меня, заставил дышать никотином и всё ради того, чтобы узнать кто лучше ты или брат?

– Ну не совсем так.

– А как тогда?– непонимающе насупилась я, когда Паша молчал и курил. Видно было, что объяснять он мне ничего не намерен, при этом ответ от меня он ждёт. Тяжёлый вздох из моей груди получился сам собой, я, несмотря на внутреннее неразумение, выдержанно произнесла.– Я не знаю твоего брата лично, а если бы и знала, то вряд ли стала судить кто кого лучше, тем более вслух и при тебе. К тому же не всё, что хорошо для меня, хорошо в принципе.

– Твои ответы меня убивают!

– Какие вопросы – такие ответы.

– Похоже, я накурился,– обрубил он злым голосом. Как мало оказалось нужно было мне сказать, чтобы вывести его из себя. Самое время капитулировать.

– Прекрасно. Счастливо оставаться и удачного улова,– на

этих словах я развернулась на каблуках и, не дожидаясь того, что Паша уйдёт первым, опередила его. До такси было рукой подать и, забравшись в салон авто, только сейчас я решила посмотреть в сторону, где недавно стояла с Пашей. Я ожидала его уже там не найти, но ошиблась. Паша стоял на своём прежнем месте в полумраке так, что если не знать, что это он, определить – кто именно, было бы сложно. Смотрели ли он мне вслед, конкретно на меня сидящую в такси, было сложно сказать, но однозначно его голова была направлена в сторону моего отступления. Не знаю с чего, но в надежде, что он видит, я неуверенно махнула ему рукой на прощание. Машина пришла в движение, и я с каждой секундой всё ближе подъезжала к дому, но мысли мои остались там – стоять у клуба и смотреть на тлеющую сигарету в руках человека, которому я без всяких сомнений отдала бы предпочтение среди братьев Мещериных и пусть исключительно только опираясь на их поведенческие факторы. Для меня этого оказалось достаточно, даже несмотря на то, что, скорее всего, я совершала ошибку.

Глава 6.

Начало недели, а я уже хочу её окончания. Я неспешно покаю по коридору университета в сторону выхода. На понедельник занятия подошли к концу. На улице валит снег, и каждое окно настойчиво мне напоминает об этом. Сейчас моим сапогам на шпильке предстоит испытание на проч-

ность, а мне на устойчивость. Я выхожу на крыльцо и тут же получаю порцию морозного ветра со снегом прямо в лицо. Часто моргая и осторожной поступью спускаясь по ступеням, я ощущаю себя на полосе с препятствиями. Когда мои глаза немного привыкают к снежной кутерьме, я могу уже спокойно оценить обстановку вокруг и выбрать наиболее рациональное направление для движения. Ряды машин преподавателей и студентов осложняют путь ещё больше и, чтобы выбраться с предуниверситетской территории, приходится обходить машину за машиной. Такое ощущение, что за последние пять часов снега выпало – месячная норма. Проваливаясь по щиколотку в снег и заплетаясь в своих же ногах, я понимаю, что являюсь ни самым несчастным человеком на этой планете. Кругом куда несчастнее люди, вырывающие из снежных завалов свои машины и толкающие из сугробов застрявших. Наверное, неимение машины в моём случае при таком ужасающем раскладе это не кара – это избавление. Я мысленно высылаю благодарность родителям, которые пока игнорируют мои запросы на средство быстрого передвижения. Как раз в эту минуту моё зрение улавливает то, в чём я доподлинно сомневаюсь, но всё же берусь присмотреться. В нескольких десятках метров от меня около чёрного Хендай Санта Фе стоит Паша и о чём-то беседует с сидящим за рулем водителем. Сначала я спрашиваю себя, а точно ли это Паша, а не его брат. Но я не могу перепутать, ведь на парне чёрный стильных пуховик, похожий я видела в последней коллекции

от Гучи из полиэфирного волокна (похоже, мы читаем одни и те же журналы) и всклокоченные чёрные волосы в такой мороз без шапки. На такое мозгов может хватить только у самого напыщенного из братьев. Не будем брать ещё в расчёт тот факт, как взирает по сторонам мой недавний новый знакомый, ведь так настороженно и высокомерно одновременно смотрит только Паша. Я присматриваюсь больше, не замечая, что в любопытстве остановилась и убеждаюсь, что не ошиблась. В машине сидит брат-близнец и, так понимаю, прогревает её перед отъездом. Хм, не хило! У меня у отца в его сорок машина чуть дороже, чем у студента. Как-то раньше я не замечала, на чём ездит в универ Мещерин-медик. Видно те обноски, которые он на себе носит, это результат длительного накопительного процесса на машину. Хотя и в этом случае мне слабо верится, что таким образом можно накопить миллион студенту. Я скептически ухмыляюсь, когда вдруг Паша бросает на меня взгляд. Я тут же прихожу в себя и, разворачиваясь на 180 градусов, иду в сторону остановки. Ещё не хватает, чтобы он заподозрил меня в излишнем внимании к своей персоне. У него и так крылья уже облака задевают. Удаляясь настолько быстро, насколько мне позволяют каблуки, я всё равно понимаю, что еле передвигаю клешнями. Не проходит и полминуты, как в затылок мне звучит вопрос с вызовом:

– Неудачный выбор обуви, не находишь?

Я оборачиваюсь и оказываюсь нос к носу с Пашей. Он уже

натянул себе на голову капюшон и стоит улыбается. Я смотрю ему за спину, где со стоянки, преодолевая сугробы, отъезжает машина брата-близнеца. Приходит моя очередь улыбаться:

– Что такое? Брат не взял с собой покататься?

– Я и не просился! Его я встретил случайно, когда мимо проходил. А тут ещё и ты. Удачный день!

– Я думала, удачными у тебя бывают только ночи!

– А я думал, что ты только по ночам хамка, а днём вполне адекватна. Ошибся, видимо.— Он ехидно растягивает губы, всем своим видом заявляя, что знает меня как облупленную и всего лишь констатирует факт, а не удивляется открытию.— Так понимаю, с женской дружбой, как и с мужской, у тебя тоже проблемы, раз уж домой ты одна возвращаешься.

– Лера с твоим дружкой детства ещё после первой пары съюлила, остальные девчонки остались на допзачет.— Тут я понимаю, что пытаюсь оправдаться. Ещё этого мне не хватает! Я резко выстреливаю.— Я ни то что ты, у меня нет секты братков в немереном количестве, которые вечно наступают на пятки.

– Ты прям равнодушна к моим друзьям!— Паша вытащил из карманов руки и достал свой телефон. Проведя какую-то бесхитростную махинацию с сенсорным дисплеем, он посмотрел по сторонам. Я же изучала сейчас костяшки его рук, которые были сбиты в болячки. Вопрос вырвался сам собой:

– Ты занимаешься каким-то видом борьбы?

Он уловил ход моих мыслей и улыбнулся:

– Ага, уличный мордобой называется.

– Ха-ха, смешно!– осуждающе покачала головой я.

– Люблю спортзал, кикбоксинг, бзюдо и просто тащусь от стенки на стенку, устроит! Я вообще спортивный парень, можешь заметить! А теперь мы так и будем стоять на месте и мёрзнуть или всё же пойдём домой?– хмыкает Паша, а я просительно вздёргиваю бровями.

– Куда пойдём? Я не знаю, куда пойдёшь сейчас ты, я лично поеду на маршрутке или автобусе. Но в любом случае наши точки назначения будут разными. Я не вожу к себе домой незнакомых парней, пусть даже спортивных, тем более не имея на то существенной причины или собственной надобности. Можешь конспираторски кутаться в свой капюшон дальше и плясать в любом другом отличном от меня направлении.

– Ты – стерва. Прямо натуральная стерва, я таких чистокровных не встречал.

– В твоих фантазиях я готова быть хоть Кощеем Бессмертным. Прости, мне холодно, поэтому сама я пойду.

Я пошла, а он пошёл рядом. Мы молчали минуту, и в конце концов я сдалась первая:

– Ты ведь не случайно здесь проходил, не так ли?– я покосилась на него, но он молчал и смотрел себе под ноги.– Ясно. Тогда как же твои друзья? Нас могут заметить вместе и что?

Придётся разыгрывать сценку очередной твоей подстилки?

– Они днём либо работают, либо спят. Чаще мы все днём отсыпаемся. Мы любим тусовки по ночам, поэтому днём нас редко встретишь в городе.

– Ну прям вампирские детёныши. Тогда ты, друг, отбил-ся от стаи кровососущих.– Я очередной раз покосилась на Пашу, но в это время нога подкосилась и я едва не рухнула, когда он, моментально среагировав, подхватил меня под руку. Я покраснела от смущения и стыда, а он спокойно убедившись, что я устойчиво стою на двух ногах, отпустил и посмотрел прямо в глаза. Что-то мне подсказывало, что сказать он хотел другое, но вместо этого зло выпалил:

– В такую погоду выпендрёж обходится боком, и из изящной дамы можно превратиться в неуклюжую корову, а как следствие – в инвалида.

– Поставлю на заметку и всякий раз перед выходом из дома буду звонить тебе-метеостанции – узнать прогноз, абы не попасть в затруднительное положение, когда ушла из дома в разгар лета, а вернулась через пару часов лютой зимой.

– Не утрируй. Когда ты выходила утром из дома, уже были задатки снегопада.

– Ты на себя посмотри, без шапки вырядился. И после этого нравоучать будешь?

– Тебя? Такое что возможно?!

– Исчезни,– заулыбалась шутя я и ткнула его кулаком в перчатку. Он засмеялся в ответ, и мы пошли дальше к оста-

новке.

Я всегда знала, что жизнь испытывает нас на прочность. И выживают в этих испытаниях только сильнейшие. Обидно оказаться вне игры по причине своего слабоволия. Нас тестируют каждый день с момента пробуждения, а иногда даже во сне. Моим личным испытанием последние несколько месяцев является одно и тоже задание, а именно противостояние самой же себе в своих смешанных чувствах к Паше. Я чувствую, как однажды разбежавшись, не смогла остановиться на краю пропасти и сейчас лечу вниз головой прямо с обрыва. Самое противное в этом случае, что вариантов на спасение у меня нет. Я останавливаюсь на остановке, и рядом останавливается он.

— И далеко живёшь?— уточняет Паша, пока я смотрю себе под ноги, вместо того, чтобы поймать маршрутку или убедиться в том, что нужный мне автобус не прибывает к остановке.

— Относительно недалеко,— отвечаю я и всё стараюсь удерживать дистанцию в нашем общении. Но зачем? Получается, на мой взгляд, неубедительно. Я бы себе не поверила.

— Разговор не вяжется! Не находишь?

— Думала, у тебя с этим проблем нет. Твоей самоуверенности можно только позавидовать.

— Самоуверенность здесь ни при чём. Когда я слышу твои ответы, мой мозг и язык начинают беспощадные кровопролитные войны, где победу обычно одерживает, к примеру,

селезёнка.— Я хмурюсь, а Паша продолжает.— Я постоянно не решаюсь тебе задать тот или иной вопрос, который так и вертится у меня на языке. Знаю, ты свободно его парируешь, и толкового ответа я не получу.

— На самом деле, как мы уже поняли, всё сложно не только у меня. Да что таить, давай начистоту,— я устремляю свои глаза прямо на Пашу, а он смотрит на меня.— У нас разное отношение к жизни, разные цели, мы разные абсолютно во всём и всё то небольшое, что может нас связывать, это моё противостояние тебе и твоё желание добиться невозможного. Как только я сдамся, хотя этого конечно не произойдёт, но вдруг — ты исчезнешь. Тебе уже будет неинтересно со мной общаться, потому что те слова, которыми мы с тобой перебрасываемся, вообще сложно назвать общением. Нет у нас общих тем. Да, мы можем их найти при особом желании, рассказывая друг другу что-то о себе, но нам этого не надо, прежде всего этого не надо тебе. У тебя есть уже люди, с которыми ты можешь поговорить и в допслушателях ты не нуждаешься, тем более если они женского рода. Всё, что в юбке, шотландцев не рассматриваем, тебя интересует только для одного конкретного занятия. И я не исключение из правил, я их часть. И то, что ты с недавних пор снова и снова оказываешься рядом со мной, причина не в том, что я вся такая девушка-мечты или со мной классно проводить время в пустой болтовне, причина твоего подзадержался — твоя роковая ошибка выбора спутницы на ночь и моё нежелание ей

оказаться. Ты просчитался и сейчас пытаешься убедить нас в обратном, так пытаешься, что уже готов поверить сам. Паш, я ведь права, нет никакого «случайно проходил мимо».

Паша фыркнул, но взгляда не отвел.

— Пусть будет я не проходил мимо, а шёл сюда целенаправленно. Но точно не с целью довершить то, ради чего изначально знакомился с тобой. Всё что ты сказала, звучит убедительно. Но убедительно для тебя, не для меня. Я согласен с тобой только в том, что по первости ошибся, приняв тебя за легкомысленное создание. Я был уверен, что ты клюнешь на меня. Твой взгляд, я был готов поспорить, выражал всю заинтересованность моей персоной, но ты обломала меня уже на первых минутах знакомства. А дальше мне просто стало интересно — твоё поведение и ответы, стало всё ново и неожиданно. Удивительно, но вот так просто общаясь с тобой, когда я не знаю, как ты меня парируешь, я абсолютно не чувствую напрягов, мне даже спокойно. А для меня это, знаешь ли, дорогого стоит. Не веришь, задавай вопросы, я отвечу.

— Мои вопросы сразу выбьют тебя из колеи.

— Я оставляю право некоторой недосказанности за собой.

— А зачем мне твои ответы, тем более 50 на 50?!

— Я не обозначал процентовку, раз, а два, если бы ты хотела меня отшить окончательно, не только по пункту секс, то сделала бы это уже давно. Значит, общение со мной тебя тоже в некотором роде интересует. Будешь отпираться?

– Хорошо,— я согласно кивнула, понимая, что бой проигран. Какой смысл разубеждать нас обоих, что мне неинтересно узнать Пашу получше. Я окинула обстановку вокруг.— Расспрос с пристрастиями устроим прямо здесь?

– А что, холодно?

– Ну то, что не жарко, это точно.

– Есть варианты где?— карие глаза вопросительно сверкнули.

– В кафе.— Не обращая особо внимания на его намёки, ответила я.

– Не хожу в кафе с девушками.

– Прекрасно. Можно узнать почему? Дело ведь явно не в деньгах, хотя я боюсь спросить, откуда они у тебя, когда днём вы спите, а ночью тусите!— заметила я, жестом окидывая его внешний облик, а точнее то, что на нём одето и сколько за предельно это стоит.

– Догадливая,— улыбаясь, кивнул он.— Дело в том, что я не хочу светиться с тобой, не хочу светиться вообще с девушкой в кафе и просто не хочу светиться. И деньги у меня имеются, но они по большей степени родительские, а не мои.

– Я же кафе сказала, а не ресторан. И меню я тебе тоже не обозначала. Заплачу за себя сама.

– Мне не проблема оплатить любой твой заказ, но... Мои парни не поймут.

– Прекрасно. Тогда лучше подхватим здесь ангину с осложнениями и сдохнем. Надеюсь, отход в мир иной твои

парни поймут. Кстати, а с ориентацией у твоих дружков порядок?

– Более чем.

Паша заулыбался и зачем-то поправил мой шарф. Я рот открыла от такого жеста. В это время к остановке подъехал автобус, Паша кивнул в его сторону:

– Тебе этот автобус подходит, чтобы добраться до дома? – я кивнула в знак согласия, Паша подтолкнул к дверям. – Тогда вперед.

Следом за мной в автобус зашёл и он, сразу указав мне на двойное сидение у входа. Я села, и он буквально рухнул рядом, скидывая капюшон и тормоша волосы. Между делом, отряхавшись от снега сама, я ухмыльнулась:

– До моего дома около пятнадцати минут. Ты хочешь сказать, что у нас есть ровно столько времени на общение.

– Домой не пригласишь?

– Я тебе уже по этому поводу вроде всё сказала. Хватит уже делать из меня дуру, нужно будет – я и сама ей прикинусь.

– Думал, что-то поменялось! – в голос засмеялся Паша.

– Не думай, Паш. У тебя гораздо лучше получается, когда ты не думаешь!

– Да-м, кажется пятнадцати минут нам и правда хватит, – он расплылся в ослепительной улыбке и я очередной раз не смогла ему не ответить тем же.

– Тогда не буду терять времени. Твой брат и ты – какие

у вас отношения?

– Всё очень сложно.— Я вздёрнула брови. Кажется, я такой ответ уже слышала и он меня не вдохновляет на дальнейшие расспросы. Паша сразу понимает моё недоумение и старается найти более подходящее оправдание.— Мы не совсем ладим из-за разногласий во многих вопросах. У нас разный круг общения, разные интересы и смысл жизни у нас каждый видит по-своему. В общем, похожи мы только внешне и то, не совсем. Хотя нас всё равно умудряются путать. Я был удивлён, что ты так чётко подметила разницу.

– Да, только вашу разницу я списывала на отменное актёрское мастерство одного человека и даже предположить не могла, что вас двое.

– Теперь ты знаешь – близнецы существуют!– Улыбнулся Паша и я засмеялась. Он неожиданно для меня самой как-то ласково посмотрел в мою сторону, и я смутилась. Чтобы снять подступающую краску, решила сразу задать второй вопрос.

– Одинаковые татуировки у тебя и твоих ужасных друзей! Вы что сектанты?

Паша просто заржал в голос, но взгляда не поменял:

– Символ братства, что-то типа того!

– Я прогуглила твою символику и ничего хорошего там не для тебя, не для себя не прочитала.— И это была чистая правда. Эта паутина, в зависимости от места её расположения на теле человека, обозначала либо отсидку в местах не

столь отдалённых, либо принадлежность к нацистской группировке. Ах да, ещё вариант с зависимостью от наркотиков проскальзывал. Что тут скажешь, даже если и берём то, что в их случае татушка находилась на запястье! Меняло ли это суть дела? Может я чего-то упустила в поисковиках? Но даже если и пропустила, сути того, что меня всё равно какими-то неведомыми силами тянуло к Паше, это не меняло. Я просто проявляла любопытство, я просто пыталась его понять.— Может, ты мне внесёшь некоторую ясность, а то я не всё поняла относительно места расположения вашей паутины?

— Уверен, ты поняла даже больше, чем предполагаешь! Давай не будем на эту тему, хотя бы пока не будем! Но будь спокойна, наркотики я не принимаю!

— Сектанты, всё-таки!— я вздохнула, пусть и наиграно.— Парень, да тебе голову лечить надо.

— Прекрати надо мной надсмехаться!

— Что так? Чувствуешь себя уязвлённым?

— Чувствую себя идиотом!

— Иногда чувства нас не обманывают.

— Ты невыносима.

— Выносима, если ты уже почти полчаса таскаешься за мной.— Паша удивлённо вскинул брови, но тут же получил следующий вопрос.— И в чём же заключается ваше братство?

— Вот это точно сложно! Ты не поймёшь, точнее ты начнёшь осуждать, но донести до тебя всю суть я не смогу. Ты захочешь прекратить общение раньше, чем я до середины

рассказа доберусь.

Повисла пауза и я поняла, что как раз этот вопрос Павла и вогнал в болото, которое он предпочёл бы назвать недосказанностью. Я кивнула больше сама себе, а потом продолжила.

– Хорошо. Тогда как к твоему сектантству относится твоя семья? У тебя же есть семья, помимо брата?!

– Братство, Вик. Не зли дурацкими терминами.

– Ты помнишь моё имя?

– Прекрати!– он аккуратно ткнул меня локтем.

– Нет, правда, я польщена. Думала в океане Маш, Даш, Кать и всех остальных моё имя затерялось мёртвым звуком и воспроизведёшь ты его только, если однажды случайно от кого-то услышишь. Ты нокаутировал меня.

– Пожалуй, пока ты не унизила меня окончательно, я продолжу отвечать.– Паша уставился в окно сквозь меня и забормотал.– У меня есть семья. Могу даже назвать её в каком-то роде полноценной. А их отношение к тому, кто я и чем занимаюсь, как раз осуждающее. Даже скажем громче, они ненавидят того, кем я стал.

– Всё так плохо?

– Для меня – правильно. Я считаю, что наше с парнями мировоззрение истинно. Мы помогаем миру стать лучше. Мне нравится быть с этими людьми, мне с ними уютно, комфортно. Никто не давит, никто не науськивает и не решает за меня самого, что мне нужно делать, а чего нет.

– Если вы братство, значит, порой кто-то решает за тебя, Паш.

– Но не заставляет подчиняться. Хочешь – делай, хочешь – нет. Меня – так всё устраивает. Это моя среда обитания.

– Да-м, только не забывай, что в этой среде обитания действуют какие-то убийственные правила. Нельзя общаться с бывшими друзьями, нельзя общаться с девушками, вообще нельзя общаться ни с кем, кроме неадекватных участников братства.– Я смотрю на Пашу и поражаюсь тому, какая я с ним разговорчивая. Обычно из меня слова лишнего не вытянуть, а уж тем более нравоучений, философствований и психоанализа.

– Почему нельзя? Можно. Это я не хочу, чтобы парни знали кто мои прошлые друзья и из какой я среды.

– Ты врёшь своим друзьям, и после этого у тебя поворачивается язык называть ваши взаимоотношения дружбой!?– кажется, этот парень удивляет меня всё больше и больше, но он невозмутимо гнёт свою линию.

– Я не вру, я недосказываю то, что считаю ненужным их вниманию.

– Называй это как хочешь, но враньё, оно и есть враньё.

– Будешь нравоучать?– наконец не выдерживает моего напора Паша и я понимаю, что пора немного сбавить обороты. Мы едва знакомы, а я уже превращаюсь в его маму, читающую ему нотации.

– Нет! Ты не в том возрасте, чтобы читать тебе нотации и

я тебе никто, чтобы это делать. Я высказываю своё мнение, ведь имею на него право. Лебезить перед тобой я не собираюсь, ты сам напросился на общение вот и получай. Тебе явно чего-то в жизни не достаёт, раз решился на откровения с малознакомым человеком.

– Малознакомым человеком? Это ты про себя?

– Нет! Вон про ту бабульку на остановке!– Тыркаю я пальцем в окно.

– Да ты со мной в первый день знакомства общалась так, будто знала всю жизнь.

– Ты же понимаешь, что это всё сам себе придумал?

– С ребятами из братства я тоже знаком только пару лет, но они уже мне семья.

– Паш, это клиника полная. Тебе мозги промыли! Никто и никогда не может заменить человеку его родную семью. Никто и никогда тебе не придёт на выручку так же бескорыстно и быстро, как родные люди, никто, как они, не поддержит. Это факт и ты мне можешь что хочешь говорить и доказывать. Лично я в дружбу вообще не верю. Захочешь развёрнутого разъяснения, обращайся. А сейчас моя остановка и мне пора на выход.

Я встала, и Паша пропустил меня мимо. Держась за поручень у выхода, я смотрела, как автобус подъезжает к пункту назначения, а сердце бешено колотилось в груди и не хотело расставаться с парнем из моих бесконечных дум, тем более расставаться на такой ноте. Я посмотрела на Пашу, а он зло

сверлил глазами в окно. Ещё чуть-чуть и стекло бы под его взглядом расплавилось.

– Не хочешь до дома проводить?– неожиданно услышала я свой голос, и внутри всё сжалось в ожидании ответа. Вот сейчас он ответит «нет» и мы больше никогда не заговорим. А виной тому то, что я всегда говорю как думаю и не могу удержать язык за зубами.

– Ты меня разозлила!– фыркнул он мне свирепо прямо в глаза.

– Разозлил ты себя сам! Если проводишь, обещаю больше ни слова на тему твоего существования в мифическом братстве.

– Опять поддёвка.

– Ну прости, я такая. Можешь вырвать мне язык.

Автобус остановился, и я уже начала спускаться вниз. Паша в мгновение вскочил на ноги и выскользнул следом. Прямо в ухо его губы шепнули:

– Кровищи море будет!– Я даже не вдавалась в смысл сказанного им, я просто улыбалась тому, что он рядом. Он ухмыльнулся.– Жаль портить бренды!

– Да ты педант!

Мы пошли рядом. Снег всё падал, но погода вроде начала стабилизироваться. Я смотрела себе под ноги и искала в себе силы хоть что-то спросить, пока он рядом. Но разговор почему-то теперь не шёл. Только когда мы подошли к забору, я позволила себе вольный жест рукой в сторону своего дома:

– Мы пришли.

– Это твой дом? Неплохо устроилась.– Присвистнул Паша.

– А у тебя что, хуже?

– Если брать дом семьи, то чуть лучше.

– Ну и чему ты тут тогда удивляешься?

– Просто решил сделать тебе комплимент.

– Прости?! Ты решил сделать мне комплимент, сделав комплимент дому моих родителей!– выпучила глаза я.– Ты что, реально?! И на такую ахинею кто-то ведётся?

– Почему всё, что я бы не сказал, ты воспринимаешь, как возможность сподвигнуть тебя на какие-то действия со мной. Девочка, у тебя мания величия зашкаливает!

– Возможно, я когда-нибудь уверю в твоё бескорыстие.

– Я столько лет не проживу!

Я осуждающе тыркнула его кулаком в плечо и заулыбалась. А он стоял и просто смотрел на меня. Такого взгляда я ещё в его исполнении не видела ни в отношении себя, ни в отношении других. Меня заинтриговало то, что нёс этот взгляд. Но через некоторое мгновение, я уже погружалась в омут этих глаз, купалась в волнах их жаркого обаяния. Только звонок телефона в кармане Паши вернул меня в реальность, казалось, и его тоже. Он достал свой смартфон и посмотрел на дисплей. Сбросив звонок, он внёс некоторые разъяснения:

– Обещал братишке с семейкой нанести визит. Если ты

всё также не намерена пригласить меня в гости, тогда мне пора.

– Иди!– кивнула я, а он заулыбался.

– Ты непробиваема.

– И это ещё не все мои достоинства.

Паша и вовсе засмеялся в голос:

– Достоинства?!

– Не теряй самообладания, тебе ещё предстоит встреча с семейкой!

– Спасибо за понимание.

– Не за что,— я уже развернулась и собиралась уйти, но всё же решила на весьма провокационный вопрос. Обернувшись, я, боясь передумать, быстро выпалила.— Мы ещё пересечёмся?

– Даже не сомневайся. В субботу в клубе точно увидимся. Ты ведь придёшь?

– Ну, я подумаю!– загадочно пролопотала я, а он с укором покачал головой. Глубоко вздохнув, я с иронией добавила.— Учítывая, как ты настаиваешь, мне просто придётся преодолеть своё нежелание и нелюбовь к клубу.

– А я уж собирался пасть ниц на колени! Хорошо, что всё так далеко не зашло!– с издёвкой подтрунил Паша.

– А оно того стоило. Кажется, я предотвратила своей поспешностью что-то интересное.

– Иди уже!– жестикулируя избавлялся от меня Паша.

Я заулыбалась и стала от него удаляться. Не оборачиваясь,

я произнесла:

– Никогда не думала, что это скажу, но до встречи. Буду рада поговорить в другой раз!

– Было приятно провести с тобой время, Вик! До встречи! – явно сквозь улыбку произнёс он мне в спину.

Глава 7.

И снова клуб. Сегодня здесь, как никогда, много народу. И причиной тому не приближающийся конец света, где большая часть городского населения решила от всей души оторваться последний раз в жизни, причина куда примитивней. Сегодня после полуночи нас порадуют настоящим профессиональным стриптизом, где слово «профессиональным», на мой взгляд, наносится удар по самолюбию наших местных стриптизёрш (они у нас за свой хлеб ого как стараются, волчок позавидует). Но про них на эту субботу все забыли. Каким-то чудом стриптиз-труппа московского пошиба решила разнообразить наше скудное существование, и я просто не представляю, кому мы должны теперь отдать дань за такое снисхождение. Нам обещают феерическое шоу с участием двух гиперсексуальных девушек и двух накаченных красавчиков парней. Все в предвкушении, «особенно» я...

Обречённо разваливаюсь на стуле, что мне абсолютно не свойственно, ведь та, что косит под леди, должна сидеть как натянутая струна. Но мне сегодня всё равно, я очередной раз ушла в режим ожидания. Уже почти полночь, а Паши и да-

же его дружков нет и в помине. Не могу поверить, что это «зверьё» способно пропустить намеченное событие такого масштаба. А меня прямо распирает от любопытства посмотреть, как эти морды будут пускать слюну, а после им придётся принять жестокую реальность – уединение под порнуху дома, это весь максимум, который им светит. Ну за исключением, пожалуй, только одного из них – самого смазливового, хитрого и наглого.

Минута в минуту представление начинается. Меня же начинает клонить ко сну и я без конца зеваю. Когда через пять минут приходит осознание, что ждать мне здесь больше нечего, а от стриптиза меня вырубаёт, я слышу вопли, которые не спутаешь ни с чем. В зале появляются все из компании Паши с последним в том числе. Они клином втекают в толпу и почти в мгновение оказываются в первых рядах зрителей. Визг, вожаденное хрюканье и свист усиливаются в разы. Тем временем Паша успевает вскользь что-то пролопотать паре мимо проскользнувших барышень и вызвать на их лицах неопиcуемый восторг. Жаль, что он не видит, что сейчас вызвал на моём лице! Я в бешенстве. Это я для этого должна была прибыть в клуб, чтобы посмотреть, как он клеит, клеит и клеит. Это кино я уже много раз смотрела, достало! Я резко вскакиваю, чтобы тут же уйти. Но в этот момент я замечаю, как его глаза над головами зрителей бегают по залу. Стриптиз его интересует не больше, чем меня. Он что-то ищет или кого-то. Сразу внутренне уверовав, что этот

кто-то — я, я опять сажусь на место и с пренебрежительным видом начинаю тянуть остатки своего сока из фужера. Понимая, что взгляд надо куда-то деть, я решаю сосредоточить его на парне у барной стойки. Парень как парень. Лет двадцать, светленький, пьёт, так понимаю, коньяк и сосредоточенно смотрит в центр зала, где две разгорячённые брюнетки помогают друг другу сделать шоу рекламой своих обнажённых тел. И, видимо, у них там всё получается, раз парнишка проникся всей душой и вывести его из глубоко транса сейчас поможет только землетрясение.

— Фу! У тебя паршивый вкус!

За моей спиной раздаётся голос, который способен одним звуком сотрясти мою душу в теле. Как он так быстро меня нашёл, а точнее добрался досюда, я не представляю. Немного позади меня сбоку громко ставится стул и на него приземляется Паша. Я кошусь на него, но всё же отвечаю в пространство.

— Для начала надо научиться соблюдать простые правила этикета, я имею в виду приветствие.

— Привет, зануда!

— Привет, невежа!

— Тебе реально пришёлся по вкусу тот сопляк?

— Какой?— делаю удивлённый вид я.

— Тот, на кого ты сейчас пялилась!

— Господин Мещерин! Я ведь не упоминаю вам, на кого пялитесь вы! Вы забыли, что у нас свобода выбора!

– Вот чего я реально забыл, так то, что ты мою фамилию прогуглила!– фырчит он, а я лишь пожимаю плечами. Разъяснять ему, что слышала её в коридорах универа, когда зывали его брата, я не собираюсь. Паша, в принципе, и не требует, он просто продолжает бубнить. – Свобода выбора... Да пожалуйста! Просто я в ауте, ты отказала мне, а будешь распыляться вот на это. Чем же он лучше? Да он даже глаз оторвать не может от обычного стриптиза, будто голой бабы с век не видел.

– Не все же такие успешные, как ты. Сегодня хочу эту, а завтра буду ту, будто речь о мороженом. И что это ты так пренебрегаешь стриптизом? Твои вон друзья всеядны, ничем не брезгуют.

– Стриптиз – это представление, направленное на пробуждение ярких фантазий, эротической энергии сексуальности и азарта, а у меня с этим полный порядок и без зрелищ.

– Не любишь травить душу?

– Не люблю засорять свой мозг ненужной дрянью. Стриптиз для неудовлетворённых кретинов, которые, кроме как посмотреть, больше ни на что не способны.

– Хорошего ты мнения о своих друзьях!– усмехаясь, киваю я в сторону его компании, которая всё больше извергает лавы слюней. Уверена, он хотел поддеть исключительно меня и ткнуть меня лицом в мой якобы паршивый вкус, но сам не заметил, как тем самым оскорбил своих же дружков.

– Я имел в виду твоего протеже.– Понимает свой промах

он.— Ты бы себя видела со стороны... Как кошка в загульный период.

— Ты что несёшь?— не выдержав, оборачиваюсь я к нему, а он зло сверлит меня глазами, будто я сделала ему лично что-то плохое. Словно я ранила или задела его за живое. Но в эту секунду помимо злости я улавливаю его весьма раскрепощённую манеру поведения, хотя бы то, как он вальяжно развалился на стуле.— Ты пьяный!

— Чуть больше, чем обычно. И не сваливай с темы!

— Нажрался и будешь теперь учить меня жить?!

— Я трезвый, говорю!— буквально рычит он, чем ещё больше подтверждает мою догадку. И, конечно же, я не могу удержаться:

— Первый признак того, что человек пьян, это его попытка доказать обратное. С тобой всё ясно! Прости, но в этом веселии ты один!

— Уйдёшь — придушу! Хватит меня динамить! Я вроде предельно ясно спросил, чем вон то убожество лучше меня?

— Паш, хотя бы вслух не оскорбляй людей и сбавь обороты. В таком тоне я ни с кем не разговариваю.

— Вик, просто ответь! Чем он лучше меня! Что сложного?— голос Паши повышается в разы и скоро нас смогут слышать все в округе. Я наскоро прикладываю палец к его губам, а он так смешно за ним следит, что глаза собираются на переносице. Я не могу удержать смех, хотя сама сейчас сплошной палец, ощущающий тепло и мягкость его губ. Воз-

вращая руку обратно, я киваю ему в знак благодарности за послушание. А Паша тихо и уже не так резко повторяет.— Ну чем он лучше меня?

— Да ничем!— выдыхаю я, понимая, что мой собеседник не уймётся, пока меня не добьёт.— Ничем он тебя не лучше. Ну если только в том, что не пытается переспать со всеми дамами этого клуба. Он не подмигивает каждой встречной поперечной, не пытается польстить её ушам или заинтриговать какой-нибудь ерундой, не смотрит на каждую юбку взглядом хищника и не сканирует каждого присутствующего в этом зале. Он не ведёт себя как напыщенный индюк, не красуется ни перед кем, не старается быть в центре внимания. Он не ведёт себя настолько развязно, что кажется, будто его не интересует мнение окружающих на его счёт и он может делать всё, что хочет. Он совершенно не самоуверен и в его друзьях не значатся какие-то смутные лица. В общем, вы походу ни по одному пункту не сойдётесь. Даже в том, что бедный парень любит стриптиз, а ты нет.

— Ты издеваешься? Ты все мои качества поставила мне в упрёк, а сама говоришь, что он не лучше. Опять сарказм?

— Нет. Паш, просто прими, что он не лучше тебя. Мне, если честно, всё равно до него. Я просто посмотрела в его сторону, ты это засёк и расценил совершенно неправильно. Тебе, в общем, должно быть без разницы на кого я и как смотрю! Или что, задето твоё самолюбие? Ты уже дважды просил меня сравнить себя с другими парнями? Зачем? Не утруж-

дай себя ответом, всё предельно ясно. Ты не тот, кого из себя здесь корчишь! В твоей непрогибаемости есть брешь и не надо её ставить в упрёк мне. Ты абсолютно нормальный парень, который натягивает на себя маску козла. Это средство самозащиты, чтобы тебя, когда ты хотел, держались подальше, а когда ты позволял, все начинали жаться ближе. Прости, но на мне такие приёмчики не работают. Я не из тех, кто любит, если его любят, кто окрыляется, если ему польстили и верит, если ему якобы выложили правду. Я всегда со всеми на разных волнах, я поступаю так, как хочу и никогда не играю по правилам других. Так что будь парень даже самым идеалом, вряд ли это гарантия того, что мне будет с ним интересно и у меня возникнет желание с ним переспать. Тот парень у бара – твой домысел. Будет тебе легче, но я вообще с трудом представляю себе человека, который бы смог меня заинтересовать настолько, что я бы кинулась в его жаркие объятия, тем более едва зная. Так что не переживай, ты всё также неподражаем и лучший в своём деле искушения, я просто с другой планеты.

– Меня уносит от твоих речей, – засмеялся он слишком по-доброму.

– Тебя уносит от выпитого!

– За время твоего изречения мог протрезветь самый пьяный алкоголик мира.

– Я рада, что принесла тебе хоть какую-то пользу. Теперь можно со всей ответственностью подойти к любимому заня-

тию, тем более все две твои протезы, которых ты одарил парой слов по прибытии, с тебя глаз восхищённых не сводят, а меня сейчас сожрут живьём!

– Ты следишь за мной?

– Приглядываю, так правильной! Не одному же тебе заниматься этим в отношении меня.

Он улыбается одними глазами, а я позволяю себе самодовольную улыбку от уха до уха. Я отворачиваюсь обратно к своему столу и отчётливо чеканю:

– Твои друзья могут хватиться тебя в любую секунду. Можешь идти, тем более я сама уже ухожу.

– Не рановато?

– Нет. Я и так задержалась. Ненавижу клуб и зачем-то постоянно иду в разрез своим желаниям.

– Может причина в ком-то?– ехидно заявляет мне Павел.

– Даже если так, вряд ли это кто-то того стоит, чтобы продолжать себя так дальше насилловать, – невозмутимо подвожу итог я.

– Думаешь?

– Уверена. Напрасно обнадёживаю себя и этого кого-то.

– Думаю, этому козлу это льстит.

– Кто знает?!– пожимаю я плечами, встаю и одариваю Пашу улыбкой во все тридцать два. Он улыбается в ответ и от этого в груди у меня вспыхивает пожар. Для чего я себя выдала? Неужели я действительно так считаю, как и говорю. Хочется ударить себя битой прямо по голове. Я поджигаю

губы и, слегка кивая, прощаюсь.— До встречи, Паш.
— Давай. Пока.
Ухожу.

Глава 8.

Всю неделю я злюсь на то, что этот наглец себя не обозначает. Пусть он мне ничего не обещал, но и надеяться он мне не запретил, он наоборот дал мне эту надежду. И вот я в ловушке, в смятении, в обиде. Что Паше мешает, как неделю назад, проходить мимо универа? Что вообще происходит между нами, а точнее со мной? К выходным мне надоедает злиться и я пытаюсь пустить всё на самотёк.

Мои родители уезжают вечером в пятницу на все выходные к друзьям на дачу. Выходные встречи у них с бывшими одноклассниками, а они у меня со школы вместе и друзья у них общие. Везёт же кому-то однажды так влюбиться и на всю жизнь. Я горжусь ими и понимаю, что дочь здесь, в отличие от родителей, совсем не преуспела. Чем не причина поддаться меланхолии! Мои планы на выходные — в своё удовольствие валяться на диване и зырить домашний кинотеатр. Никаких клубов, никаких Паш и других подобных заморочек. Надоело уже быть на побегушках у своей собственной ненормальной головы.

Но в субботу в десятом часу вечера ко мне в дом вваливаются девчонки на полном веселе с тремя бутылками мартины. Лера самая неадекватная в этой компании:

– Я не способна, Вики, без тебя тащиться в клуб. Сейчас дунем, за нами заедет Андрюша, и мы поедем, тряхнём костями.

– Я не иду сегодня никуда,– заявляю я. Можно подумать, что всё сказанное Лерой на мой счёт, имеет какой-то вес. Она здесь, так как вчера я случайно обронила фразу, что в выходные дома одна, а, по её мнению, свободная хата, так и просит вечеринки. Пойду я в клуб, не пойду – Лере без разницы. Ведь всегда, когда мы приходим туда вместе, мне всё равно грозит остаться одной. Лера, где угодно, только не за нашим столиком. Я чисто для компании, пока мы добиремся в клуб. Ну а там – каждый сам по себе!

– Ну это мы ещё посмотрим.– Ехидно бросает мне вызов она.

И мы чокаемся раз за разом, и я пью и пью, что на меня совсем не похоже. А обвиняю я в своём запое, конечно же, Павла. Когда три бутылки уже раздавлены на четверых, я еле шевелю языком, но собираюсь. Собираюсь, еле передвигаясь по дому, чтобы поехать в клуб и высказать этому засранцу всё, что о нём думаю. Сегодня я в ударе хотя бы потому, что натягиваю на себя джинсовые шорты на колготки в сорок ден, поверх свои сапоги ботфорты на шпильке, а на топ завязываю под грудь клетчатую рубашку. Образ развязной девки меня прям прёт и я тащусь сама от себя.

В клуб я вваливаюсь слегка уже в своём уме, но всё же именно вваливаюсь и сразу вижу этого кобелину. Стоит и

треплется с какой-то тёлкой. Злая, как бестия, я прохожу перед его носом прямо на танцпол, и у нас с девчонками начинается самый отрыв. Краем глаза я слежу за ним. Он всё при той блондинке, но глаза его точно косят в нашу сторону. Сложно описать весь сумбур в моей голове, но я мало владею своими манерами. Когда я вижу, что он смотрит на меня, я вскидываю ему средний палец правой руки, чем вызываю сначала замешательство на его лице, а потом улыбку. Блондинка пытается уследить адрес доставки такой улыбки от своего собеседника, но я уже не смотрю на них. Не знаю, как пойдёт дальше, но теперь битой по голове мне хочется заехать ему.

Когда ещё несколько грамм трезвости возвращаются в мою голову, я понимаю, что по очередной раз пришла зря. Что я собиралась ему сказать? Что за дешёвое зрелище я здесь развернула?! Чувство стыда за свой вид и поведение меня накрывает куполом, я ощущаю силу давления. Прекратить всё могу только я сама. И вот я пробираюсь сквозь толпу танцующих прямо на выход, не объявив об этом девчонкам и не смотря в сторону Мещерина. Сколько ещё раз я буду запрещать себе и всё равно приходить сюда, чтобы поспешно уйти, едва пересекусь с ним? Сколько ещё раз я буду убеждать себя, что пора вычеркнуть Пашу из своей жизни?

Беру в гардеробе свой полушубок и отхожу в зону слегка приглушённую от шума клуба, расположенную прямо за гардеробной. Наматывая небрежно на шею шаль, я если только

не дышу огнём в стену.

– Привет! У тебя что, палец лишний?– этот голос прямо в ухо сейчас не заставляет моё сердце биться учащённо.

– Что за тошный голос я слышу в своей голове.– Я сама злость в эту секунду, хотя веду себя как маленький капризный ребёнок.

– Прекрати. Думал, ты уже сегодня не придёшь, а ты уже вроде как и уходишь.

– Пока думал, не стал терять времени и нашёл кем заполнить пробел.

Я разъярённо поворачиваюсь к нему и пытаюсь обойти, чтобы уйти.

– Обломись! Это моя бывшая одноклассница. Остановилась потрепаться, а ты умеешь появляться, когда не надо. И потом, ты что, злишься? А хотя, подожди, ты что, ревнуешь?

– Тебя к ней! Да я быстрее слона к бегемоту ревновать начну, чем тебя к кому-то там. С чего мне тебя ревновать? Мы друг другу противны.

– В прошлые выходные мы сошлись на другом.

– В прошлые выходные я была дурой и у меня была целая неделя это понять и переосмыслить своё отношение к тебе.

– Я не мог увидеться с тобой на неделе, потому что днём работал, а ночью ты не имеешь привычки разгуливать по городу.

– Выглядит как паршивое оправдание. Корми этим китекатом своих подружек-кошечек. С меня уже достаточно и

вранья, и общения с тобой.

Я вырвалась и прошла мимо него. Он что-то мне там ещё бросил вслед, типа: «Вик, я ведь не вру!» Я же не верила. Я понимала, что всё происходящее, тот концерт, что я закатали, выглядят ещё более дешёво и никчёмно в соотношении с десятиминутным недавним прошлым. Я унижаюсь и перед кем?! Однако мне было безразлично, безразлично до тех пор, пока я не поняла, что ещё секунда и будет поставлена окончательная и бесповоротная точка в нашем общении. И, о господи, я ненавидела себя за это, но я испугалась, испугалась вытолкнуть его из своей жизни, вытолкнуть то небольшое, что он вносил в эту жизнь. Поэтому прямо на выходе мне захотелось сделать то, что после стольких дум об этом недостойном паршивце, было бы награждением собственных души и тела. Самая большая глупость моей жизни! Но одной глупостью больше, одной меньше – вечер изначально не задался! Я резко развернулась и пошла к Паше обратно. И шла я видно с таким видом, что с каждым моим шагом его глаза пропорционально росли, он явно не знал, что от меня сейчас ожидать. Когда Паша приоткрыл рот, пытаясь хоть что-то сказать, а мне оставалось до него пару шагов, он даже не догадывался, как облегчил мне тем самым жизнь. Я прошипела:

– Оставлю себе хоть что-то, как урок на будущее!

С последним словом я жадно впиалась в него губами, требуя настоящего поцелуя. Пока Паша приходил в себя, я уже

нагло правила балом. Я прижалась к нему ещё плотнее, и только тогда он стал отвечать на мой призыв. Такого пыла я, конечно же, не ожидала, но была весьма довольна. В животе сразу всё закрутилось настоящим ураганом, голову закружило и всё это отозвалось в сжавшемся от переизбытка чувств сердце. Я руками обхватила его шею, а он – мою. Уверена, со стороны наши действия походили на звериные инстинкты, безотчётное и бессознательное влечение, но вокруг почти никого не было и мне хотелось думать, что вряд ли на нас сейчас кто-то смотрел. Я едва могла дышать и урывками вытягивала носом воздух. Пахло Пашей и для меня этот запах был чрезмерно возбуждающим – его туалетная вода Acqua di Giò pour вперемешку с едва уловимым сигаретным дымом и, что удивительно, кофе. Да и на вкус он тоже был кофейный, и, несмотря на то, что я не любила кофе, аромат напитка почему-то в эту минуту заставил меня стать ещё напористой. Хотя куда там больше, я и так грозила опасностью Пашиным жизни и здоровью. Я впилась в него так, что любая пиявка бы позавидовала таким сверхнавыкам с моей стороны. Но сам Паша уже особо испуганным не выглядел и, кажется, вошёл в раж. С безудержным напором он впечатал меня в стену и буквально захватил в плен своих крепких объятий. Мы пылали и могли чувствовать огонь друг друга руками. Температура наших тел словно сразу приняла на себя несколько градусов выше положенного. Мы задыхались в этой агонии уже через полминуты, но и останавливаться не желали. Я опасалась, что

лась, что если сейчас от него оторвусь, продолжения больше не последует, а на такой ноте теперь расставаться мне не хотелось вовсе. Но когда-то всё-таки поцелуй прекратится – я буду просто обязана уйти, чего не сделала прежде. Остаться – потерять лицо прежде перед самой собой. Хотя я уже и так натворила, что от стыда сгореть можно.

Тем временем мягкость его губ уже выводили моё сознание из строя. Я по неведомой мне силе начинала терять контроль над своим телом, которое решило стать ватным и буквально повиснуть на Паше. Голова закружилась, ноги подкосились, и по всему телу побежал мелкий озноб. Сознание готовилось вырваться из моего тела, но я даже испугаться не успела – Паша слегка отпрянул от меня и, придерживая как только можно, озабоченно вскинул брови:

– Вик! Ты в порядке? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Паршиво! – честно призналась я, не понимая доподлинно, чем вызван такой упадок сил. Моё собственное тело отказывалось слушаться и держалось на обмякших ногах только за счёт силы рук моего собеседника. На лице же последнего прочитался испуг и замешательство. Он не знал, как ему со мной быть, точнее как быть с моим телом и, видимо, вот-вот ожидал обморок. Думаю, в эти секунды о недавнем поцелуи забыли мы оба.

Паша посадил меня на банкетку и, пробормотав под нос: «Не вздумай окочуриться, я мигом!», завернул за угол, а через секунд десять появился уже в куртке и озадаченно по-

смотрел на меня. А меня кидало то в пот, то в холод.

– Тебе нужен свежий воздух, а потом возьмём такси, и я отвезу тебя в больницу!– прочеканил Паша, подхватывая меня на руки. Но я уверенно, хоть и обессилено, остановила его действия.

– Я своими ногами отсюда выйду, просто подстрахуй, если можешь.

Он кивнул и, слегка приобняв, направил меня к выходу. Едва моего лица коснулся свежий морозный ветер, жизнь ко мне стала возвращаться. Делая глубокие глотки воздуха, я чётко осознала, что поспособствовало минутному расстройству моего здоровья. Слишком большое количество алкоголя и перевозбуждённость пережитых чувств в душном закрытом помещении вывели меня из строя и теперь Паша будет считать меня больной психопаткой. Нашла чего опасаться в данную минуту, будто больше не о чем подумать!

– Ты как?– потормошил меня Павел, и на его лице я не уловила ни одной насмешливой мимической морщины, хотя именно их-то я там и ожидала встретить. Но он был серьёзным как никогда и внимательно следил за моими действиями.

– Извини. Я уже абсолютно в себе! Видно стало слишком душно. Не бери в голову и даже не беспокойся. Спасибо, что пришёл на подмогу в минуту отчаяния. А теперь пока. Поймаю такси до дома.

– Ну уж нет! В больницу.

– Паш, я не страдаю никакими припадками, чтобы ты был таким категоричным. Спиши мою слабость на побочное действие поцелуя с тобой. Ты производишь неизгладимое впечатление, а я в следующий раз не буду лезть целоваться. Сама виновата. Подумаю над своим поведением по дороге домой.

– Хорошо. Подумаем вместе, одну я тебя не отпущу.

– Бог мой, убери это озабоченное выражение со своего лица. Ты как курица-наседка выглядишь. Успокойся, я ведь и правда живее всех живых.

– Вот и прекрасно!– Паша берёт мою руку и аккуратно тянет за собой, проверяя, могу ли я идти. Я недовольно хмыкаю, отдёргиваю руку и важно обхожу его, чтобы самостоятельно проследовать до такси, стоящему чуть поодаль и к которому, видимо, хотел доставить меня мой неугомонный нянь. Понимая, что всё же с координацией у меня пока не полный порядок, я сбавляю обороты и контролирую каждый шаг. Но рядом всё равно уверенно ступает Паша.

– Я убежусь, что ты добралась до дома и оставлю тебя в покое. Даже пределы такси не покину. Можешь не припираться, я буду непреклонен.

– Куча свободного времени и нет других более достойных занятий – можешь делать, что хочешь. Я устала и не в настроении тебя сейчас отговаривать.

– Наконец-то, я прям не знаю, кому обязан избавлению от твоего занудства.

Паша спрашивает таксиста о возможности доставить нас по назначенному адресу, а потом вернуться обратно и получает приглашение в машину. Мой провожатый открывает заднюю дверь и жестом предлагает мне сесть. Я без особых церемоний усаживаюсь назад, и дверь закрывается. Паша тут же открывает переднюю, чтобы сесть самому, но что-то его останавливает и со словами: «Я лучше тоже сзади сяду», он обходит машину и садится рядом со мной. Машина отъезжает, и в салоне повисает тишина. Водитель, парень лет тридцати, неспешно ведёт автомобиль по ночному городу, приближая меня к моему дому и сокращая минуты совместного пребывания с Пашей. И так мне становится от этих мыслей грустно и тоскливо, будто через несколько минут у меня отнимут самое дорогое и близкое сердцу. Будто часть меня сейчас решит уйти из моей жизни, оставляя недостойное существование со второй совершенно никчёмной половиной. Я под давлением эмоций поворачиваюсь посмотреть на Пашу, и он отрывает взгляд от рассматривания дороги за окном и, словно интуитивно почувствовав мой порыв, смотрит на меня. Мы едва видим друг друга в затемнённом салоне машины, но этого достаточно, чтобы по обивке сидения моя рука отправилась на поиски его. И он принимает мой позыв, переплетая пальцы наших рук и двигая меня к себе. Этот миг переворачивает во мне всё вверх дном. Я кладу голову на его плечо и закрываю глаза, ловя секунды неземного наслаждения, что дарят мне запах, тепло прикосновения и волнующее

дыхание человека, без которого я уже не представляю своей жизни.

– Ты ведь выпила!– тихо шепчет мне Паша в ухо, и звучит это не как вопрос, а как утверждение.

– Совсем чуть-чуть!– признаюсь я в содеянном, но не в количестве принятого.

– Похоже «чуть-чуть» для тебя – слишком много! Есть люди, которым совсем нельзя пить и ты как раз тот случай. Я, блин, перепугался не на шутку, когда кое-кто в моих руках едва в просто тело не превратился, а этот кто-то просто пьяная.

– Я не пьяная, говорю!– резко встрепенулась я прямо лицо в лицо к Паше и позволила себе сделать это слишком громко. Мало того, что теперь на лице Паши обозначилась его любимая наглая улыбка, так ещё и боковым зрением я увидела в зеркало заднего вида улыбку таксиста. Я взяла себя в руки и вернула голову обратно на плечо спутника, предпочтя помолчать. Но Паша довольно изрёк:

– Первый признак того, что человек пьян, это его попытка доказать обратное. Слушай, это случайно не ты, умница, на прошлой неделе мне выдала со всезнающим выражением лица.

Я проигнорировала его речь. Сейчас в моём мозгу шла кровопролитная война между разумом и прихотью. Да, то, что сейчас взбрело мне в голову, определённо было вздорным капризным желанием, если не сказать грубее. Увы, я

пошла на поводу своей надуманной потребности. Последнее время у меня всё было наперекосяк, и я решилась на очередной отчаянный шаг, который мог быть мной проигран, едва я ступлю. Не буду кривить душой, но к этому вопросу я похоже мысленно готовилась ещё с момента нашего отъезда от клуба:

– А тебе сегодня обязательно возвращаться в клуб? Ну или хотя бы можешь сделать это на полчаса позже?

Язык заплетался, и я говорила так неуверенно, что даже руки в испуге затряслись. Паша же даже не пошевелился, лишь губами протянул:

– А ты с какой целью интересуешься?

– Думала, можем у моего дома ещё постоять, поболтать. Я как раз смогу достаточно прийти в себя, а ты разнообразишь моё наискуднейшее времяпрепровождение.

– Ага, то есть со мной жизнь становится веселей!

– Определённо! Самую малость, но веселей. Ты такой интересный собеседник, что я потом ещё неделю после общения ломаю голову, собственно, а о чём мы говорили?

– Издеваешься! – смеётся он. – Опять издеваешься! Поздравляю, но ты, по-видимому, уже пришла в себя. Твоё настоящее «Я» уже лезет наружу и в моём обществе вряд ли нуждается.

– Моё внутреннее «Я» нуждается в неординарном общении.

– Передай ему, что я пойду на его поводу, но только в виде

исключения. Без злоупотреблений.

Я заулыбалась и непроизвольно сжала ладонь Паши сильнее. И именно этого было достаточно, чтобы, наконец, мой спутник обеспокоенно заёрзал на сидении. А мне, по-видимому, надоело жить головой и захотелось подумать другими местами.

Когда машина остановилась у моего дома, Паша сразу протянул таксисту деньги и жестом предупредил мои попытки расплатиться. Мы вышли на улицу, а я светилась вся от счастья, что он рядом. Представив себя со стороны, я сразу вспомнила всех тех девиц, которых цеплял Паша и то глупое выражение лица, с которым они выходили с ним под ручку из клуба. Лёгкий приступ тошноты подступил к горлу, но я преодолела всё путем отключения собственной мозговой деятельности. Я напомнила себе, что хватит жить мозгами, сейчас ночь и им пора спать. Я направилась к воротам и, достав ключ, открыла замок.

– Ты идёшь? – обернулась я к Паше, который вопросительно наблюдал за мной.

– Если мне не изменяет память, ты говорила что-то про «постоять на улице».

– Планы поменялись. Пошли.

– Знакомство с твоими родителями не входит в мои планы.

– В мои тоже. Родителей сегодня не будет. Ну, так ты идёшь или тебя парализовало?

– Это плохая идея, Вик!

– Что так? Боишься остаться со мной наедине в замкнутом пространстве?

– Самой-то не смешно? Ты же не перевариваешь меня и хочешь...

Я перебиваю Пашу, пытаюсь уйти от ненужных тем и разглагольствований:

– Паш, я тебя просто приглашаю в гости!

– Ты же понимаешь, чем может всё закончиться?

Ты и представить себе не можешь, как понимаю.

– И давно ты стал таким разборчивым до занудства?

– С кем поведёшься!

– Прекрати ломаться! Я в дом, мне холодно.

Я иду открывать входную дверь и слышу, что мой спутник пришёл в движение и движется сейчас за мной. Ворчание, тому подтверждение:

– Холодно ей. В следующий раз ничего не надевай. Разница не значительна, зато эффекта больше.

– Бу-бу-бу, – передразнила я, когда он за спиной захлопнул дверь в воротах. Я щёлкнула выключателем в прихожей и жестом пригласила Пашу зайти. Он с невозмутимым видом зашёл и сразу начал оглядывать помещение.

Всё внутреннее убранство дома у нас было под дерево, а стены первого этажа к тому же кишели чучелами и шкурами различных животных, а в гостиной через фойе проглядывался камин с висящими над ним коллекционными ружьями.

Паша нервно кашлянул:

– Не хотел бы я пересечься с твоим отцом.

– Что, уже уходишь?– улыбнулась я, снимая верхнюю одежду.

– Нет, пожалуй, ещё осмотрюсь!– и Паша уподобился моему примеру.– И кто он?

Я сморщила лоб, пытаюсь уловить суть вопроса. Перед Пашей висела как раз голова лося.

– Лось! Что не признал?– усмехнулась я.

– Как нехорошо ты про батю!– с сарказмом парировал Паша, испепеляя меня взглядом карих глаз, которые немо вопрошали: «И что мы будем делать дальше?». Будем держать интрижку до последнего. Хотя, он уже дал мне понять, что знает ответ на этот вопрос, хуже того, мне думается, садясь в такси, чтобы проводить меня, Паша, как и я сама, уже понимал, чем закончится эта ночь.

– Если ты про профессию папы, то он – инженер-программист,– я спокойно стягиваю сапоги и предвкушаю скорое будущее.

– То есть им всё же платят!

– Как видишь.

– Мать?

– Мама – бухгалтер и да, ей тоже платят, хоть и меньше, чем папе.

– Ну никаких тайн! А это что на стенах?

– Хобби. Папа заядлый охотник.

– Да-м, дела реально у меня плохо обстоят. Заранее предупредить надо.

– Обязательно приколочу ко лбу табличку с извещением.

– Поздно, для меня, по крайней мере. Я уже потерян и обречён.

– За что? Переступил порог этого дома? Или поцелуй? Детские шалости, дыши ровно. За это не пристрелит. – А вот где-то через час – другое дело. Я улыбаюсь своим мыслям. – Кофе, чай?

– Спасибо, но нет. Кофе на сегодня достаточно. Пока ждал тебя у барной стойки, понял, что если бы не перешёл на кофе, к твоему приходу был бы в говно.

– О-о-о, когда я зашла в зал, по мне лучше бы ты был в говно, нежели как обычно с очередной жертвой искушения.

– Одноклассница! – нервно напоминает он.

– Без разницы! В случае с тобой, всё одно. Экскурсия по дому?

– Ещё предложения!

– Могу показать мою комнату.

Паша хмыкнул, и я еле сдержала очередную улыбку. Развернувшись, я сразу отправилась к лестнице на второй этаж, и он пошёл за мной. Наш подъём скрипучим эхом гудел по дому, лестницу уже давно было пора либо поремонтировать, либо поменять. Я зашла в комнату, включила свет и оглядела пространство в поисках нежелательных изъянов. Но моя привычка держать всё в полном порядке, меня не подвела и

сыграла сегодня на руку.

— Ну вот!

Паша зашёл и засмеялся. Я вопросительно уставилась на него.

— Комната бесполого существа!— выдал он на моё замешательство, и я покраснела до кончиков ушей.— Если выкинуть тысячи тубиков с кремами, духами и прочей лабудой, зайдя сюда, я никогда бы не поверил, что здесь живёт девушка.

— Ах, так!— прищурилась я и стала двигаться в его направлении.— Бесполое существо, значит. Ты хамло, Мещерин!

Я подошла вплотную, когда он стоял недвижим. Карие глаза не выдавали ровным счётом ничего, но едва уловимый огонёк в них я всё же заметить умудрилась. Мы оба знали, к чему нас приведёт схватка взглядов, но казалось, никто не решается сделать первый шаг навстречу необратимому. Однако долго терзать себя в мои планы не входило, поэтому я ещё раз шагнула и оказалась лицом к лицу с ним. Будучи выше меня на сантиметров десять, Паша слегка наклонил голову вперёд, чтобы теперь смотреть на меня сверху вниз. Не думаю, что он всегда такой медлительный, когда дело движется к разрешению. Но, по-видимому, в случае со мной инициативу предлагается взять мне самой. Ну что ж, если Павел отличается нынче робостью, готова стать искусителем. Нежно коснувшись ладонями его лица, я также нежно тянусь к его губам своими. Поцелуй выходит чувственный и долгий. Пока я инициатор и Паша не делает никаких попыток взять

всё в свои руки. Он вообще меня не касается, а только отвечает на поцелуй. Вот в клубе, казалось, он уже готов был перейти к действиям, а сейчас... Создаётся впечатление, что парень пытается уяснить суть происходящего, он в замешательстве. А я всё целую и млею от избытка чувств. Ну какой же он притягательный, какой одурманивающий. Сейчас я готова отойти вся под его власть, пусть только очнётся. Я отрываю губы и смотрю в его глаза, а он пристально смотрит в мои. Хочется подколоть его за расторопность, точнее её отсутствие, но я сдерживаюсь. Хотя в голове всё вращается вокруг только одной мысли: «Навряд ли со всеми своими предыдущими пассиями Павел такой растерянный. Он по природе своей явный доминант. Но почему не в случае со мной?» Тогда я решаю перейти к делу сама, жмусь к нему и позволяю рукам начать всё с его ремня. Видимо, такого рода действий Паша от меня и ждал, потому что в ту же секунду его руки подхватывают меня за талию, а губы с жаром впиваются в мои. Начинается настоящее безумие, где одежда не снимается, а сдирается друг с друга, где нет места словам, всё под властью звуков и тяжёлого дыхания. Моё тело всё под гипнозом Пашиных рук, а лицо и шея утопают в его поцелуях. В предвкушении я отдаю всю себя воле того, кто уже достаточно давно владеет моей душой и разумом. Моя кровать проминается под тяжестью наших голых тел, и я вся тлею от ласки рук Паши, от тепла и нежности его губ, от властной пронизательности глаз. Я будто всю жизнь ждала этих ми-

нут единения наших тел, я растворяюсь в избытке переполняющих меня чувств. Будь я хоть чуточку сентиментальнее, сейчас бы рыдала от счастья. Хочется верить, что для Паши всё происходящее хотя бы самую малость в цене. Почему-то, когда я смотрю в его глаза, когда ощущаю некий трепет этих прикосновений, мне кажется, что всё происходящее для него что-то значит, что это не просто секс.

Когда всё заканчивается и агония страсти сменяется сладостным расслаблением, Паша легко касается моих губ. Я заботливо прорежаю пальцами его взлохмаченные волосы и улыбаюсь, когда он смотрит в мои глаза с задумчивостью и ещё каким-то непонятным чувством, похожим на смятение. Его внимания хватает чуть меньше чем на минуту, после он резко встаёт с кровати и начинает одеваться. Теперь в замешательстве нахожусь я. Куда он так спешно собирается? Мне показалось, что всё произошедшее между нами было настолько бесподобно, что вторая часть должна была наступить практически незамедлительно. Но мой кареглазый ловелас сейчас ускользал из моей постели и, так понимаю, от меня в целом. Я знала всегда, то, что бесподобно для нас девушек и женщин, для мужчин чаще никакой ценности не представляет, жаль, что мои знания теперь не только понаслышке и вследствие логических вычислений. Кроме как нахмуриться и выразить себе две тысячи проклятий, а что я ожидала от этого бабника, я смогла лишь встать и натянуть

на себя первый попавшийся в шкафу длинный топ.

– Закрой за мной!– сухо бросает мне Паша и выходит из комнаты. Сказать, что он убил меня, не сказать ничего. Я в шоке тащусь за ним, а он на первом этаже обувает ботинки, будучи уже в куртке и с незажжённой сигаретой в зубах. Когда он выпрямляется в полный рост и даже не смотрит в мою сторону, я не узнаю его лицо. Он растерян, подавлен и слишком горд, чтобы издать даже звук. Он молча тянется к ручке двери, а я, насколько могу, пренебрежительно спрашиваю:

– Так молча и уйдёшь? Ты со всеми такой учтивый или дело во мне?

– Извини,– сквозь зубы с сигаретой рычит он.

Он выходит и хлопает дверь. Не смотрит на меня, не церемонится, даже не пытается себя утруждать излишними манерами приличия. Вот козёл! Это ещё меньшее, что я могу сказать ему вслед. Закрываю дверь на замок, даже не беспокоясь, вышел ли он с участка и отправляюсь в ванную. Хороший горячий душ сейчас мне во спасение, чтобы смыть с себя всю память его касаний рук и губ, а также выжечь боль такого унижения. А на что я могла рассчитывать? На любовь!? Самой смешно!

Глава 9.

Не помню, как вчера уснула, помню только, что сделать это мне удалось мучительно. Я долго лежала, пялясь в потолок, и обдумывала всё произошедшее. Я больше не ругала

себя за опрометчивый поступок, точнее поступки: за взбрёдшую в голову смелость поцеловать Пашу и последующую её реализацию, за приглашение его в дом с одной определённой целью – переспать с ним и за достижение этой цели. Что сделано, то сделано! Я знала заранее, на что шла и никаких замков из песка себе на этот счёт не стоила. Хуже того, я предугадывала финал, просто не думала, что финиш окажется тут же за стартом. Да, Павел просто марафонец, чтоб за ногу его!

А я-то как хороша! Поцеловать его решила – оставить себе что-нибудь на память! Идиотизм! Оставила?! Глупее поступок я совершала, пожалуй, только в пятом классе, когда решила поиграть в эрудита и проверить глубину розетки с помощью двух спиц. Как меня только не убило?! До сих пор удивляюсь. Всего-то потрянуло и я поспешно сообразила, что идея дурацкая. Тогда я отскочила от розетки мгновенно и больше заниматься вымерениями глубины у меня в отношении неё не возникало. Казалось, та встряска стала отменным стимулом на будущее – думать, прежде чем совершить опрометчивый поступок. Однако оказалось, что есть гарантийный срок и вот моя голова снова вышла из строя. За последние сутки я совершила череду неразумных, просто из ряда вон выходящих поступков. И в эту минуту я думаю – жаль меня не убило тогда у розетки. Какая же я идиотка!!!

Нет, я всё же злюсь на себя, что позволила собой воспользоваться. Осознанно предложила ему со мной переспать! Да-да, это именно так и называется. Я не пытаюсь себя оправ-

дать, я получила то, что хотела – секс с Пашей. О каких-либо обязательствах здесь и не было речи, всё было обоюдно, без намёков на какое бы то ни было продолжение. Но где-то в глубине души теплилась надежда, что он не станет со мной обращаться как с очередной. Я рассчитывала на ночь страсти, совместный утренний кофе и возможность хотя бы ещё одной встречи, после которой определилось бы кто и что мы друг для друга. Однако своим внезапным уходом Паша за двоих вынес чёткий вердикт кто мы друг для друга, точнее кто я для него.

Тоска щемит душу, боль расщепляет сердце на миллион осколков. Мимолётная связь ничего хорошего и не могла принести в моё грешное тело. Я доверилась человеку, но он такого жеста не оценил. У нас с ним разные ценности и то, что я считала, окажется ему весомо, оказалось ему безразлично. И вот теперь с этим «я одна из» мне придётся жить долго-долго, навряд ли я это вообще когда-нибудь забуду.

Терзания мои, я знаю точно, затянутся на несколько дней, может недель. Но я их заслужила. Я получила по заслугам за свой легкомысленный поступок, за то, что до сих пор не поняла, ждала ли я от этой близости какого-то продолжения или всё-таки нет! Здравый рассудок мне говорит уверенное «нет», а что-то внутри груди греет надеждой «да, да, ты ждала от него взаимной симпатии». И в этих своих противоречиях я теряюсь. Я съела десерт и так не смогла понять его вкуса, не смогла разобрать ингредиентов, но помню лишь,

что на вид он был очень аппетитный.

Как чаще всего человек переносит боль? Неважно, физическая она или душевная. Что помогает человеку справиться с тем стрессом, что несут в себе страдания? Да всё что угодно помогает, здесь любые способы хороши, лишь бы полегчало. Вот, к примеру, кто-то кричит. Говорят, так организму легче выплеснуть всю накопившуюся в нём горечь. С криком мы освобождаемся от внутреннего напряжения, мы выплёскиваем свои эмоции наружу и выводим весь негатив из нашего организма. Но я лично никогда не кричу, я даже голос, не помню, повышала ли когда?! Причина? Затрудняюсь ответить. Возможно, мои голосовые связки не способны создать громкий звуковой сигнал. Собственно я не проверяла и проверять мне это нет необходимости и желания. Следующее... Кто-то совершает определённые поступки в виде физического насилия или отводит душу на окружающих предметах. Физическое насилие я не приемлю в принципе ни в отношении кого, а что-то типа биения посуды, швыряния стульев – это вообще с моей стороны истерия, приравненная к отклонению в психике. Как в ваших проблемах замешаны какие бы то ни было вещи?! Даже если вы ударились о дверцу шкафчика, которую предварительно забыли закрыть. Сами забыли закрыть, забыли о том, что забыли закрыть, а потом из-за своей же собственной невнимательности каким-либо образом в неё вписались. После этого вы стучите по несчастной дверце кулаками, хлопаете ей, что она чуть ли не слетает

с петель и опять по ней дубасите, снова и снова причиняя себе боль. Зато вы отомстили дверце!:) Не находите, что всё походит на членовредительство. Мало того что себя изувечите, так ещё и порчу собственного имущества обеспечите. А расплачиваться за это, убирать, покупать новое, кто будет? Давайте угадаем!

Какой ещё способ справиться со стрессом мне приходит в голову? Хм, самый распространённый – слёзы. Мы выражаем свою боль слезами. Слёзы – это нормально, ведь это самый безобидный способ снять стресс. Ими мы заявляем всему миру – мне больно, плохо (реже бывает наоборот, но это из другой оперы) и мир нас жалеет, утешает. Не плачь, мы тебя понимаем. И нам вроде становится легче! Как-то так! Если честно, это моё предположение, я не знаю. Я не плачу! Ни то чтобы, конечно, никогда-никогда. Несколько раз было. Несколько лет назад из жизни ушли бабушка, а следом дедушка по материнской линии, а они мне были так близки, как вторые родители. Я выросла на их глазах, я проводила у них каникулы и любую свободную минуту, как вдруг их не стало. Я не плакала – я рыдала. Мне хотелось стать сплошным океаном слёз, водопадом, а лучше туманом, чтобы в какой-то момент просто рассеяться и больше никогда так не страдать. Такого горя, я не пожелаю и врагу, хотя отлично понимаю, что все мы через это пройдем, хотим мы того или нет. Жизнь такова, что однажды мы потеряем кого-то родного и это будет подобно утери части себя. Время лечит, мы

станем постепенно забывать боль тех дней, мы смиримся с потерей, примем её, ведь у нас просто нет выбора, нам не вернуть утраты, а жить нужно дальше, чтобы потом кто-то также оплакивал нас. Но... Но даже сейчас, когда я смотрю старые фотографии со своими бабушкой и дедушкой, мои слёзы гремячими ручьями текут по моим щекам и эту боль не выдрать никакими силами из моего сердца. Я скажу ужасную вещь, но в эти минуты мне хочется умереть самой!

Так что, о каком страдании и его средстве выражения может идти речь при каком-то мимолётном флирте. Да это капля в океане людских бед. Смерть близких, люди инвалиды, голодные брошенные дети, страшные неизлечимые болезни человечества, старики, забытые всеми, едва сводящие концы с концами и это ещё не полный список бед, которые должны вызывать общечеловеческую скорбь. Вот что по-настоящему страшно! А наши мелкие несуразицы, в виде неразделённой любви, просто не имеют права называться горем на фоне этого списка. Подумаешь, не любит, зато я и мои родные живы и здоровы, поэтому надо жить дальше и не заниматься самоистязанием.

– Боже, я слишком глубоко капаю!– слышу я свой голос и наконец выхожу из астрала. Сказать, что я не переживаю вообще – это соврать. Средство снять с себя внутреннее напряжение у меня одно – уйти в себя, замкнуться на какое-то время. Хорошо подумать, привести весомые доводы тому, что ничего страшного не случилось и вернуться в этот

мир обновлённой с минимальным саморазрушением психики. У меня это вроде неплохо получается, самоконтроль — это единственная моя сильная сторона. Я так считаю. Пока.— Да я погляжу, ты бахвалка!

Я встаю из-за компьютерного стола и тянусь, разминая затёкшие мышцы. Сегодня уже вторник, а я второй день пытаюсь собраться с силами, чтобы нарисовать стенгазету на самую злободневную тему: «Вред курения», которую должна была оформить ещё в выходные. Но куда там! В воскресенье я вообще делать ничего не могла, тупо сидела, уставившись либо в телик, либо в окно. Пашино поведение выбило меня из колеи на добрые сутки, остальные же два дня я медленно возвращалась к привычной для себя жизни. Вот он второй день и лёд, кажется, тронулся, из-под моего карандаша начало выходить какое-то подобие рисунка, пока я не поймала себя на мысли, что снова погрузилась в думы о насущном.

Я потянула мышцы шеи, сделала ею пару круговых движений, посмотрела ещё раз на ватман и решила спуститься вниз на кухню выпить чайку. Я бы сейчас и чего погорячей глотнула в свете недавних событий (ещё одно антистрессовое средство, которое я когда-то в целом не приемлила и считала грехом слабых людей неуверенных в себе, но после многочисленных походов в клуб, чувствую, что алкоголь уже входит у меня в привычку) и из-за глупости, что согласилась сделать эту несчастную стенгазету. Ну зачем мне это понадобилось, я же ненавижу рисовать и просто не умею. Для меня

рисование подобно пытке, а карандаш в руках больше походит на орудие убийства. И вот я решила проявить инициативу! Ну какая молодец! Стоит поглядеть на себя в зеркало, какая умница! Вот и мытарься теперь, художница великая! У меня даже родители, узнав, чем я занимаюсь, переглянулись с лукавой ухмылкой. Они как вчера помнят все свои картины, которые общими усилиями создавали, абы их дочь пару по рисованию не схлопотала. Но теперь я гордо заявила, что стенгазета ерунда и с ней-то я точно справлюсь без проблем. Ну и дура! Не устаю поражаться самой себе. Я уже неоднократно обращалась к своим мозгам, чтобы они вернулись из далёкого путешествия обратно к заурядным будням. Я в них очень – очень нуждаюсь, не дня без них. Соскучилась, сил нет!

И вот я пью чай и рисую, рисую и пью чай. Потом иду в душ, где мне обманчиво кажется, что я всё-таки смогу, дело ерундовое и, окрылённая с новой силой и надеждой, я опять рисую. Но я жертва самообмана, ослеплённая заблуждением. Происходящее становится невыносимым, ведь я уже везде порисовала: и за столом, и на кровати, и к стене подвешивала злополучный ватман, в одиннадцатом часу перебралась на пол, но мои художества особым успехом не увенчались. На ватмане ещё чуть-чуть и будет дырка, ведь ластиком я работаю больше, чем карандашом. Боже, боже, это невыносимо! Ещё день и я стану легендой нашего института. Меня, конечно, оттуда не выставят, благо это не художка, но то, что

они увидят на ватмане, принесёт мне мегапопулярность самой амбициозной студентки, решившей, что она Леонардо да Винчи, однако, в отличие от этого мирового гения, испытывавшая полный крах. Это грандиозный провал и я разочаровалась в себе. Но, несмотря ни на что, продолжаю рисовать и испытывать свои нервы. Упорство и неприемлемость поражений – мои самые злостные качества и я считаю их положительными.

Глава 10.

В окно постучали! Я определённо слышала, что кто-то постучал в окно. Я оглянулась и уставилась на задёрнутые шторы. То, что я слышала – точно стук и точно не дождя (снегопада, если быть точной) или птички! И если это не человек-шланг или человек-паук, то кто? На втором этаже...

Я вздрогнула, когда постучали снова. Поднявшись с пола, я на цыпочках подкралась к шторам и резко раззанавесила окно. Прямо на меня смотрели человеческие глаза, и я взвизгнула от испуга, прежде чем в мой мозг поступила информация на чьём они лице.

– Паша!– облегчённо и одновременно зло выдохнула я, уже распахивая створку окна.– Ты меня чуть с ума не свёл.

– Да!– заулыбался он.– Ты бы себя видела!

– Очень смешно!– я перегнулась через окно, чтобы посмотреть, как он тут оказался. К сожалению, это был не ковёр самолёт, а сточная труба.

– Находчиво, – покачала я головой.

– Находчиво было твоим родителям расположить тебя в спальне, в которую так легко проникнуть с улицы.

– Сейчас закрою окно, и мы посмотрим, как тебе будет легко сюда проникнуть!

– Вежливо ты встречаешь гостей.

– Гости я встречаю через дверь!

– Мне спуститься и позвонить в дверь?

– Одиннадцать часов ночи! Ты в своём уме?

– Поэтому окно! Может,пустишь?

Я шагнула назад, давая возможность ему влезть. Он в два счёта запрыгнул на подоконник и уже стал снимать ботинки. События трёх дней давности сейчас кололи меня иголками, но я не подавала виду. Мне не хотелось сразу переходить на штыки. Я смотрела на Пашу с большим любопытством и затруднялась дать себе ответ, чего его принесло ко мне после воскресного надменного ухода. Да и способ своего визита он выбрал мягко сказать неординарный. В знак сомнения я лишь покачала головой:

– Надеюсь, я об этом не пожалею.

– Буду стараться, ... – он заулыбался, оставил ботинки и прыгнул на пол, – чтобы не пожалела, конечно же!

Все его движения, действия и речь были тихими настолько, что услышать за пределами комнаты было невозможно. Хотя, если уж на мой взвизг никто не отреагировал, то остальное – шелест давно опавших листьев за окном! У нас

в доме была очень хорошая изоляция, а с родительской комнатой нас разделял не только этаж, но и целая диагональ при расположении. Но лучше перестраховаться и продолжить общение исключительно шёпотом.

– Ну-ну!– я отвернулась и пошла обратно к своей стенгазете, по дороге холодно бросив.– Зачем пришёл?

– Соскучился! Такой ответ устроит!?

– От тебя – нет! – я снова повернулась и вперила свой взгляд в него. От карих глаз веяло теплом и таинственностью. Я вопрошающе кивнула, скрестив руки перед собой.– Ну, так зачем?

– Помню, как выходил из дома. А потом бах, абракадабра и я уже на трубе у твоего окна и ты визжишь как резаная, будто приведение увидела.

– Сейчас меня разорвёт от хохота,– теперь я уже начинала злиться по-настоящему и не скрывала этого, сердито отвечая своему нежданному гостю.– Не помню, чтобы отсылала тебе пригласительное.

– Чёрт, значит, я ошибся адресом и меня, возможно, ждёт другая куколка.

– Кажется, твой спуск будет болезненным.– Я зашагала в его сторону с целью выпроводить тем же способом, как он здесь появился.– Выматывай!

– Нет! Пока не помогу тебе доделать стенгазету, я отсюда не уйду. Даже не проси, я останусь непреклонен.

Надо же какой наблюдательный, уже успел дать собствен-

ную оценку всему происходящему в моей комнате. Стенгазета! Может это я свою родословную решила на ватмане запечатлеть! Ничего такого ему в голову не пришло?! Но Паша, внимательно наблюдая за мной и моей реакцией, продолжил улыбаться, когда я уже стояла вплотную и указывала ему на окно.

– Всё веселишься! – чуть ли не зарычала я. – Я сейчас заоружу и разбужу родителей. Спорим, ты, как бэтмен, испаришься из моей комнаты.

– Ты когда такая злая, это заводит, хоть и похожа на слюнявого от бешенства мопса, – он едва не облизывался и, дав вольность рукам, притянул меня к себе, я же оттолкнула его со всей силы.

– Руки не распускай!

– Даже не поцелуешь? – лукаво подмигнул он мне.

– Если между нами что-то было, это не значит, что теперь, когда тебе взбредёт в голову, ты будешь появляться и справлять свою нужду. Ты ошибся окном, в принципе, как и домом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.